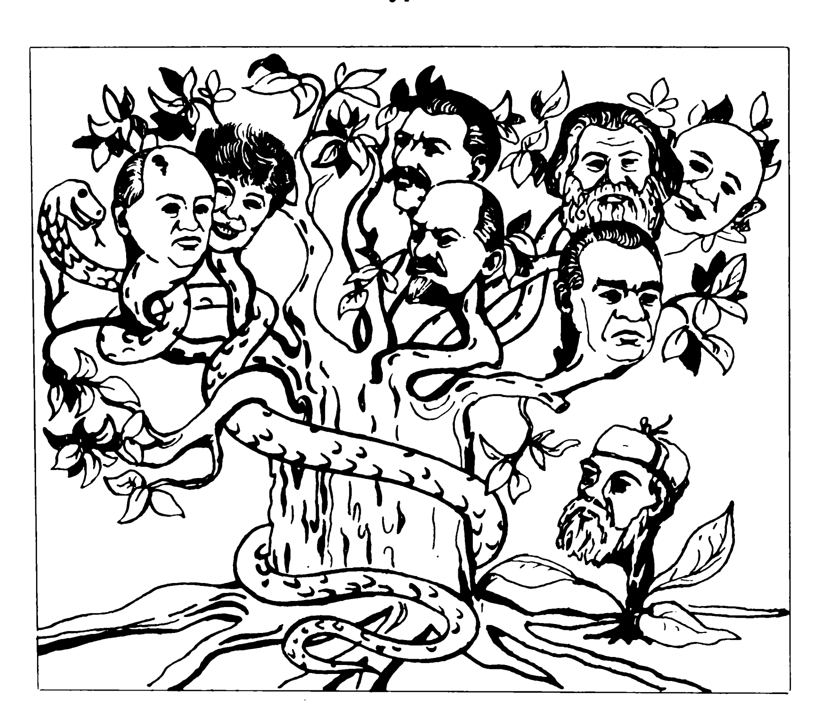
АЛЕКСАНДР МОСИЕНКО

СНЫ ГОРБАЧЁВА

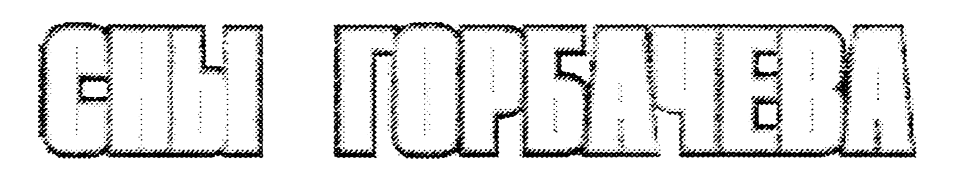
Фантастическая трагикомедия по мотивам Канъити Курода

Пятигорск, 1999 г.

Р2 (2Р37)
М 81

АЛЕКСАНДР МОСИЕНКО

Фантастическая трагикомедия в двух действиях

По мотивам Каньити Куроды

Действие происходит в 80-е и начале 90-х годов XX столетия. После ряда таинственных смертей членов политбюро ЦК КПСС (Кулаков, Машеров, Андропов), устранения реальных претендентов на коммунистическую корону ее неожиданно для всех получает самый молодой из них — М. С. Горбачев.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Горбачев Михаил Сергеевич, генеральный секретарь ЦК КПСС, первый и последний президент СССР.

Горбачева Раиса Максимовна, его жена.

Ирина, дочь Горбачевых.

Анатолий, их зять.

Ксюша, внучка Горбачевых.

Дьявол.

Ева, первая женщина на Земле.

Ленин Владимир Ильич, вождь мирового пролетариата.

Маркс Карл Генрихович, основоположник науки о коммунизме.

Троцкий Лейба Давыдович, соратник Ленина.

Умэмото Кацуми, японский философ.

Миура Цутому, японский философ, языковед.

Каньити Курода, философ и общественный деятель Японии.

Хрущев Никита Сергеевич, первый секретарь ЦК КПСС.

Брежнев Леонид Ильич, генеральный секретарь ЦК КПСС.

Шикльгрубер (Гитлер) Адольф, вождь национал-социалистической партии Германии.

Даллес Ален Уэлш, директор ЦРУ США.

Олег Бакланов, член ГКЧП.

Мужики из села Привольного.

Дед Кондрат.

Члены политбюро.

Ельцин Борис Николаевич, первый президент России.

Галина Африкановна, повар Горбачевых.

Мальчик с луком.

Офицер охраны.

Янаев Геннадий, вице-президент СССР, председатель ГКЧП.

Все роли исполняются в ключе представленных автором характеристик, а не так, как господа актеры прочитали о них в других произведениях.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

На экране кинокадр: Лондон. Камера медленно ведет зрителя по фронтону резиденции Маргарет Тэтчер. Голос диктора радиокомпании Би-Би-Си: «В Москве наконец-то рухнул оплот ортодоксальных старцев — на смену только что усопшему генеральному секретарю ЦК КПСС К. У. Черненко, третьему за последние три года, пришел самый молодой из всех его предшественников, 54-летний Михаил Горбачев. Каким будет его курс, кто войдет в его команду, мы узнаем очень скоро. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать: Маргарет Тэтчер была права, когда говорила, что Горбачев — это та фигура, на которую можно делать ставку. Действительно, на мировом политическом небосклоне взошла новая звезда первой величины."

Голос Горбачева: «Чем ночь темней, тем ярче звезды...»

Кинохроника переносится в Москву. М. Горбачев, избранный генеральным секретарем ЦК КПСС, заканчивает свою речь. На фоне вчерашних и позавчерашних хозяев Кремлевского руля он выглядит очень выигрышно, с большим потенциалом. Даже те, кто, по их утверждению, знают его хорошо, не догадываются, что их ждет с новым генсеком. А он продолжает:

«...Первая заповедь партии и государства — беречь и всемерно укреплять братскую дружбу с нашими ближайшими соратниками и союзниками — странами великого социалистического содружества...

Что же касается отношений с капиталистическими государствами, то хочу сказать следующее. Мы будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования... Но все должны знать, что интересами нашей родины и ее союзников мы не поступимся никогда...»

Бурные аплодисменты. Камера идет в зал. Лица искренне приветствующих людей. Голоса:

— Вот он, Спаситель наш.

— Наконец-то!

— Живое человеческое лицо.

— Настоящий генеральный секретарь.

М. Горбачев в своем кабинете. Смотрит в окно на Москву. Безмерно счастлив. Входят члены Политбюро. Горбачев поворачивается к ним, приветливо улыбаясь, приглашает к накрытому столу. Сам берет фужер с мандариновым соком, бутерброд с

красной икрой. Жуя и запивая, просит вошедших: «Не стесняйтесь, товарищи! Надо перекусить. Впереди еще много работы». Члены политбюро тронуты демократичностью генсека, угощаются и взахлеб хвалят его:

— Михаил Сергеевич... выступили блестяще!

— Это то, что нужно.

— Поворот к новой жизни!

— Выступление большого политика...

М. Горбачев:

— Спасибо вам, товарищи, за поддержку. И хватит с похвалами, а то и до культа личности скатимся. Ха-ха... Но шутки в сторону! И вот что я вам скажу: будем серьезно перестраиваться. Другого пути нет!

Члены политбюро:

— Давно пора.

— Нужна ваша смелость.

М. Горбачев:

— А ваша? Вы что — думаете, я один такую страну переверну?!

*

В правом углу кабинета генсека — ночной уголок села Привольного — родины М. Горбачева. Силуэты крестьянских домов с телеантеннами на крышах. В окнах — огни. Луна. Март. У самого края авансцены, на переднем плане, в луче прожектора, несколько мужиков.

Первый. Слыхали? Нашего-то Мишку Горбача в генеральные секретари выбрали!

Второй. Не заливай... Нашел кандидатуру. У них что, в Москве своих не нашлось?

Первый. Ей-богу, по телеку видел.

Третий. Етишь твою мать... Вот это номер — Мишка Горбач в Кремле сидит... Это ж как Сталин.

Первый. Ну, до Сталина ему, как до Луны.

Второй. Эх, дурни... Еще недовольны... Свой человек в Кремле сидит. Для нас же выгода... Чего-нибудь да перепадет. Мы теперь на весь мир знаменитые.

Первый. Ой, и мы пахали...

Третий. Поживем — увидим.

Сон первый

Сцена пуста. Все тот же кабинет генерального секретаря. Зритель не сразу замечает, что в глубине его, за рабочим столом, сидит Михаил Сергеевич.

М. Горбачев. Наконец-то один! Лучше всего, когда ты один. Сам себе хозяин. Сам себе судия... Хр-р-р... *(засыпает).*

Дьявол *(из-за спины).* Не увлекайся, Михаил. В Кремле вообще нельзя быть одному. Тем более, когда ты генеральный секретарь.

М. Горбачев *(сквозь сон).* А это еще кто такой?

Дьявол *(выходя вперед).* Я — твой душеприказчик. По наследству, которое ты получил от кремлевских старцев.

М. Горбачев. Откуда ты взялся?! Охрана!

Дьявол. Охрана спит, когда я с тобой... Да и ты скоро надолго заснешь.

М. Горбачев *(с возмущением).* Ты с ума сошел — заснешь! Я затеял перестройку такой громадной страны, и мне не до сна, даже к Раисе Максимовне не тороплюсь, черт бы тебя побрал!

Дьявол. Генеральному секретарю не к лицу чертыхаться.

М. Горбачев. Заткнись, а то я тебя пошлю куда подальше!

Дьявол. Михаил Сергеевич, радость ты наша долгожданная... в твоем деле нужно спокойствие. Нервные клетки, сам знаешь... Помолчи, помолчи, имей уважение к оппоненту.

М. Горбачев. Тьфу, тьфу, оппонент! Кто тебя пропустил сюда?!

Дьявол. А я и не уходил... Я с первой же минуты здесь. Вместе с тобой, и буду до конца твоего президентства...

М. Горбачев. Я не президент. Я — генеральный секретарь!

Дьявол. Сейчас — да. Но если будешь меня слушаться, станешь и президентом. Правда, не надолго. Придут другие. А тебя скинут на помойку.

М. Горбачев. Сволочь! Гад ползучий! Вон из Кремля!

Дьявол. Михаил, свет очей моих, мы же договорились — не нервничать: впереди еще столько дел; столько надо разрушить, столько убить. А такие дела делаются с холодным умом и твердым сердцем.

М. Горбачев. Ты за кого меня принимаешь, негодяй? «Свет очей моих...» Я — великий реформатор, а не разрушитель.

Дьявол. Разрушитель, Мишенька, разрушитель. Тебе на роду написано — разрушать. Созидать ты не можешь. Кто много и невнятно говорит, тот разрушитель.

М. Горбачев *(встает из-за стола)*. Вон отсюда, гнида тифозная!Дьявол (*забегает за спину М. Горбачева, тот машинально садится за стол. Дьявол, ехидно улыбаясь, придавливает нового вождя за плечи)*. Так-то оно лучше. (*Напевает: «Давай никогда не ссориться, никогда, никогда!»)*

М. Горбачев. И что я буду от этого иметь?

Дьявол. Все. Все, что только может иметь человек на Земле!

М. Горбачев *(кашляя)*. Хитер ты, поганец... Так все, говоришь?

Дьявол. Абсолютно. Никто, никогда этого не имел и не будет иметь вовеки.

М. Горбачев. Надо подумать, обговорить, посоветоваться...

Дьявол. Уж не с политбюро?

М. Горбачев. Хитрый, а тупой. У меня один советчик — Раиса Максимовна. Я только ей доверяю.

Дьявол. Не упрощай, Михаил. Ты — в Кремле! А Кремль — это тебе не село Привольное. И даже не Ставрополь... Тут нужен консенсус... с такими корифеями...

М. Горбачев. Знаю. И без твоего совета я уже запустил механизмы интеграционного процесса.

Дьявол. Михаил Сергеевич, отвлекаешься от темы. Ответь прямо: ты согласен со мной сотрудничать?

М. Горбачев. Послушай, это же наглость с твоей стороны. Я не могу единолично принять такое решение. Это прерогатива Раисы Максимовны.

Дьявол. Гениально! Я готов сотрудничать с вами обоими... Да ты никак спишь?

М. Горбачев. Спу, то есть сплю: день был тяжелый.

Дьявол. О-о! Так начинать — не годится. Кто же разрушать будет?

М. Горбачев. Я — созидатель!

Дьявол. Тогда просыпайся. Начнем созидать разрушение...

М. Горбачев. Подожди ты, подожди… Я же сказал — надо с Раисой Максимовной посоветоваться. Может, она против. А я не могу ее предать.

Дьявол. Хорошо, иди, да поскорей. В Кремле, известно, медлить нельзя.

М. Горбачев. Она у меня философ… Как скажет, так и будет.

Дьявол. Вот это уже голос генерального секретаря. Одобряю, Михаил Сергеич. Народ тебя на руках носить будет.

М. Горбачев *(сквозь сон)*. И ее — тоже.

Дьявол. Конечно! Ее нельзя не любить.

М. Горбачев. Ох, и язва же ты.

Дьявол. Нет… я — твоя опора.

М. Горбачев. Причем тут ты? Моя опора — Раиса Максимовна и весь мир.

Слышится гром рукоплесканий, а, может быть, шум океанского прибоя.

Картина вторая

Роскошная квартира М. Горбачева. Он с женой. Оба одеты по-домашнему. Он в китайском, она в японском халатах. Сидят рядом на диване, смотрят телевизор. Зритель не видит экрана, но слышит голос комментатора: «...повсеместно выплеснулась раскрепощенная энергия масс. Революционная перестройка набирает обороты». М. Горбачев пробует переключить на другой канал, но там — то же самое. Выключает телевизор.

М. Горбачев. *(обнимает жену).* Процесс пошел... Эх, Раюшка! Ты понимаешь, что произошло? Как высоко мы с тобой взлетели?!

Р. Горбачева. И еще как понимаю! Господин генеральный секретарь... Звучит?

М. Горбачев. Скоро весь мир будет повторять наши с тобой имена. Каждый день! Это, знаешь ли, самим Богом предписано...

Р. Горбачева. Именно так, господин генеральный секретарь.

М. Горбачев. Пора вам, Раиса Максимовна, привыкать к этому... Начнем визиты... по стране, за рубеж.

Р. Горбачева. И я с тобой — как первая леди великой державы.

М. Горбачев. Первая! Ты — жена генсека, Раюшка, и должна участвовать во всех сферах жизни, во всех процессах, происходящих в обществе. Ха-ха...

Р. Горбачева. В общем, от генсека — ни на шаг... Я не подведу тебя, мой милый. И начну с твоей ауры. Всеми силами я буду лепить твой образ по самым современным меркам вождя и супермена.

М. Горбачев. Фантазерка ты, Раюшка.

Целуются.

Но я обижаться не буду... В пределах чего-то разумного...

Р. Горбачева *(энергично).* Я кое-что уже предприняла... В Союз поедут первые лица Европы, Америки... С ними

придется не только играть в политические игры, но и ублажать. А это отдых на природе... Я уже дала задание на реконструкцию генсековских дач на Кавказе.

М. Горбачев. Да ну? Вот это в духе перестройки! Процесс пошел. Ха-ха...

Р. Горбачева *(смеется)*. Я чья жена?! То-то... Докладываю: привлечены лучшие дизайнеры мира, специалисты... Как закончат, едем вместе на презентацию. И ты — ахнешь.

М. Горбачев *(целует ее, поглаживая по спине)*. Кем бы я стал без тебя?!

Р. Горбачева *(кокетливо улыбаясь)*. А под Москвой надо построить новую резиденцию. Чтоб ни у кого такой — ни у Тэтчер, ни у Миттерана, ни у Рейгана.

М. Горбачев. Леди Горбачева, а не прихватила ли вас мания величия?

Р. Горбачева *(в том же игривом тоне)*. Господин генеральный секретарь, не забывайте, что на ваших плечах — сверхдержава! Значит, и все вокруг вас должно быть самым-самым...

М. Горбачев *(Целуются)*. Послушай, а ты, пожалуй, права... Как я благодарен судьбе, что она подарила мне такую жену... Вдвоем мы горы свернем.

Сон второй

Затемнение. Появляется Дьявол. Р. Горбачева его еще не видит. Она открывает бар, берет два фужера, наливает в них боржоми.

Дьявол *(прямо перед лицом М. Горбачева)*. Что ж это ты, свет очей моих, до сих пор не договорился с ней?

М. Горбачев *(без удивления)*. О чем?

Дьявол. О сотрудничестве со мной...

М. Горбачев. Не успел еще.

Дьявол. Надо успевать, мой реформатор. Промедление, сам знаешь, смерти подобно.

Р. Горбачева *(подходит с полным фужером минеральной*

воды, но по-прежнему не видит Дьявола). Ты что-то сказал?

М. Горбачев. Да. Вот этот красавец второй раз приходит по твою душу.

Р. Горбачева *(увидев Дьявола, в испуге).* Ах... Что это за клоун? Брысь отсюда. Охрана!

Дьявол. Я уже говорил Михал Сергеичу — когда я здесь, охрана спит.

М. Горбачев *(застенчиво).* Говорил. Я забыл тебе сказать.

Р. Горбачева. Господин генеральный секретарь, с кем вы связались?

Дьявол. Раиса Максимовна! Самая красивая женщина в мире. Вопрос уже решенный. Это в вашу же пользу. В пользу обоих.

Р. Горбачева. Михаил Сергеевич! О чем ваша договоренность с этим типом, привязавшим хвост к своей тощей заднице?

М. Горбачев. Мы... почти договорились. Но если ты против, я тоже откажусь от его услуг.

Р. Горбачева. Не понимаю — какие такие услуги?

М. Горбачев. Раюшка. Пост генсека — потяжелее шапки Мономаха... Поэтому, хочешь — не хочешь, а придется иногда поступать нестандартно. Вот он *(показывает на Дьявола)* уверяет, что может помочь в этом деле. И мне, и тебе.

М. Горбачев. Я не доверяю ему.

М. Горбачев. Но все равно нам придется подобными услугами пользоваться. Только еще надо будет искать таких помощников. А этот уже готовый. Сам предлагает...

Р. Горбачева. В чем конкретно он может помочь мне?

Дьявол. Вы — лучшая женщина в мире. Некоторые личности вам мешают, прелесть моя. Их надо столкнуть друг с другом, и они сами себя уничтожат, я же в умении сталкивать пока не превзойден на земле... Или вам надо убрать слишком умного со своего пути... Я тотчас же лишу его разума. Проще пареной репы.

М. Горбачев. В общем — специалист.

Р. Горбачева. Ты — темная личность. А чем же ты можешь помочь моему мужу?

Дьявол. Сейчас не модно быть коммунистом... Твой Михал Сергеич самый главный коммунист на земле. Я могу вместо генсека поднять его еще выше: он станет президентом... Вот тогда выше него не будет никого в целом свете. И выше вас, прелесть моя.

Р. Горбачева. Мы подумаем. Возможно, твои услуги пригодятся... Уйди с дороги. Человек умирает от жажды. Миша, выпей боржомчику *(но пьет сама)*. Речь у тебя, нечистая сила, больно сладкая. Так и поверить можно.

М. Горбачев. Ты знаешь, Раюшка, в нем что-то есть.

Р. Горбачева *(Дьяволу)*. Мы все обдумаем и решим. До встречи!

Дьявол. Мешать вам не стану, но медлить нельзя. Скажу по-дружески: если вы добровольно не согласитесь со мной сотрудничать, я все равно не оставлю вас в покое. Но тогда...

Р. Горбачева *(мужу)*. Он еще шантажирует... Я сказала — до встречи. Вали отсюда, а то хвост отрежу.

Дьявол. Слушаюсь и повинуюсь, прелесть моя. Ночь на дворе.

Уходит.

М. Горбачев. Чем ночь темней, тем ярче звезды... А ты знаешь, Раюшка, он в самом деле нужен нам. Ей-богу, нужен. Надо соглашаться.

Р. Горбачева. Больно сладкий. Как бы не сесть с ним в лужу нам обоим... И странно: у него какая-то сверхъестественная сила есть. Только ушел, и меня почему-то потянуло в сон.

М. Горбачев *(зевает)*. И меня тоже. Еле держусь на ногах.

Подсаживается к жене на диван, обнимает ее. Смеется.

Кому-нибудь расскажи — не поверят: генеральный секретарь в сговоре с Дьяволом... Но избавиться от него нету сил.

Кладет голову на плечо жене. Засыпает.

Р. Горбачева. Тебе плохо, Мишенька?

М. Горбачев *(сквозь сон).* Просто спать хочется.

Р. Горбачева *(бормочет, не отдавая отчета своим словам).* И мне... связал нас черт с тобой, связал нас черт с тобой, связал веревочкой одной.

Опять появляется Дьявол.

Дьявол *(в зал).* И никуда вы от меня не денетесь.

Картина третья

Сон третий

Море. Закрытый пляж. Ослепительное солнце. На лежаке в одних плавках М. Горбачев. И — никого рядом. Приподымается, снимает черные очки.

М. Горбачев. Раюшка, где ты?

Вместо жены из глубины сцены, со стороны моря, медленно идет обнаженная девушка. Это Ева, прародительница человека на Земле. Ее формы, классический загар, улыбка сразили М. Горбачева наповал. Он так и остается сидеть с раскрытым ртом. Ева останавливается перед ним. Если бы М. Горбачев осмелился наклониться вперед хотя бы на десять сантиметров, то его лицо коснулось бы живота Евы. Ему очень хочется это сделать, но он воздерживается: вдруг появится жена. Слышится песня: «У моря, у синего моря...».

Ева. Что с вами, господин? Вы никогда не видели голой женщины?

М. Горбачев. А-а...

Ева. А я никогда не видела одежды. Кроме фигового листка. *(Взглядом показывает на известное место.)* Что это у вас на лбу?

Притягивает его голову своему к животу.

М. Горбачев *(млея от удовольствия)*. А-а...

Ева. Вы еще какое-нибудь слово знаете?

М. Горбачев. Пятно родимое. Говорят, это печать от Бога.

Ева. Оказывается, вы разговорчивый мужчина!

Садится к нему на лежак.

Не бойся, милый, я не кусаюсь. Как хорошо у вас на закрытом пляже: ни души. Интересно — зачем устраивают закрытые пляжи? Может быть, для того, чтобы люди не видели, как господа занимаются любовью?

М. Горбачев. А-а...

Ева *(прижимается к нему, хохочет)*. Что с вами, господин? Вы так напуганы?

М. Горбачев. Жена... Тут где-то жена. Сейчас придет.

Уворачивается от объятий.

Ева. Но вам со мною хорошо?

М. Горбачев. Очень.

Ева. Так что ж вы нервничаете?

Встает. Поворачивается, как модель на подиуме.

Как? Хороша?

М. Горбачев. Оч-чень. (*Тоже встает.*)

Ева (*хватает его за руку*). Тогда бежим к морю!

М. Горбачев (*упирается*). Как вас зовут?

Ева. Ева.

М. Горбачев. Не могу... Жена.

Ева. А у меня муж. Адам. Вы его знаете? Первый соблазнитель.

М. Горбачев. Вы славная, Ева, но я не могу...

Ева (*смеется*). Без согласования? Или у вас другое предназначение?

М. Горбачев. Очень рад был с вами познакомиться.

Ева (*отпускает руку М. Горбачева, грациозно уходя в сторону моря. Оборачивается, машет рукой*). Как-нибудь в другой раз.

Появляется Ленин. В плавках.

Ленин. Молодец, Михаил Сергеевич. Браво! Развернул оголтелую ревизию марксизма-ленинизма, а сам с дамочками сомнительного поведения...

Похотливо смотрит вслед удаляющейся Еве.

Так-то ты блюдешь чистоту партии большевиков.

М. Горбачев. Мы теперь КПСС называемся.

Ленин. Это не меняет сути. Вы губите дело, на которое я всю жизнь положил.

М. Горбачев. Владимир Ильич, мы не губим. Наоборот, мы хотим довести его до конца в лучшем виде, придать социализму новый импульс.

Ленин. Путем бессовестного братания с капиталистами? Это преступление перед человечеством. Социализм заша-

тался не потому, что Ульянов-Ленин был дурак и не видел перспективу развития...

М. Горбачев. Владимир Ильич...

Ленин. Я сто с лишним лет Владимир Ильич. И если партийные бюрократы и недоумки не сумели разобраться в сущности марксизма, не сумели на практике осуществить мои идеи, не я в этом виноват. Валить с больной головы на здоровую — удел невежд и верхоглядов.

М. Горбачев. Владимир Ильич...

Ленин. Стыдно, батенька мой, так расправляться с мертвыми... Я очень сожалею, что не могу лично вмешаться в дела земные.

М. Горбачев. А мы идем вашей дорогой. Наш принцип — больше социализма, больше демократии.

Ленин. Что за чушь вы несете? Не может быть больше или меньше социализма. Либо он есть, либо его испохаби ли. Это, извиняюсь за банальность, так же верно, как не может быть женщина немножко беременна... Я оставляю вас наедине с этой красоткой.

М. Горбачев. Она больше не придет.

Ленин. Тогда будьте любезны: хорошенько подумайте над тем, какую свинью вы подложили мировому пролета риату.

М. Горбачев. Извините...

Ленин уходит.

А что это я перед покойником извиняюсь? Будем действовать по-своему.

Появляется Ален Даллес. И тоже в пляжном костюме.

Даллес. Хэлло, Майкл. Чего это ты раздухарился? По-сво ему хочешь повернуть... будет так, как я давным- давно запланировал.

М. Горбачев. Ален Даллес? Читал я твои бредни. Но ими нас не запугаешь.

Даллес. Мг... Я не собирался вас запугивать. У меня более высокая цель: вашими же руками уничтожить вашу коммунистическую империю.

М. Горбачев. И как же это вы сделаете?

Даллес. Очень просто. Хоть ты и читал мои «бредни», я кое-что напомню... Посеяв в СССР хаос, мы незаметно подменим ваши ценности фальшивыми и заставим в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Кстати, многое уже нами сделано, и ты не можешь это отрицать! Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия угасания самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Чего задумался? Боишься правды? Или, думаешь, еще не время? Время, Майкл. Ну, может, еще пару лет. Мы подождем. Мы народ терпеливый. А цели своей добьемся. Не сомневайся...

М. Горбачев *(протирая обеими руками глаза)*. Кошмар какой-то... Где жена? Раюшка, где ты? Или это сон? Да, конечно, это сон: Даллеса уже семнадцать лет как нет на свете... Чушь какая! Раюшка, помоги мне проснуться...

Со стороны моря опять медленно идет к М. Горбачеву Ева.

Нет! Я не хочу. Не хочу говорить с призраками...

Ева. Я — женщина. Я ничего от тебя не требую. Просто вернулась, чтобы поблагодарить тебя.

М. Горбачев. За что?

Ева. За то, что устоял, не соблазнился. Знай: их так много на земле, соблазнов всяких. Нужна твоя верность.

Приближается так близко, как и в первый раз И так же прижимает его голову к своему животу. Поглаживает лысину.

Человек с божьей отметиной.

М. Горбачев *(целует Еве живот, груди, шею, губы и кричит)*. Нет! Нет...

Просыпается на том же диване в своей квартире.

Р. Горбачева. Что с тобой, Мишенька?

М. Горбачев. Кошмар какой-то приснился. Расскажи — не поверишь. Вот ужас, а?

Картина четвертая

Кабинет генерального секретаря ЦК КПСС. М. Горбачев один. В очках в золотой оправе. Что-то пишет. Оторвался от бумаг, смотрит в пространство, негромко повторяет: «М`ышление, мышл ение...».

М. Горбачев. Черт знает, что за язык: не поймешь, где ударение ставить. Хоть каждый раз в словарь лезь.

Нажимает кнопку вызова.

Скажи, пусть зайдет Раиса Максимовна.

Входит Р. Горбачева.

Р. Горбачева. Тебе уже доложили, что я здесь?

М. Горбачев. Служба работает... Раечка, я не знаю, что ты делала в Кремле, но извини: оторву на минутку, так как спросить больше не у кого. М'ышление или мышл'ение? Где ударение?

Р. Горбачева. Конечно, м'ышление. Так и академики говорят.

М. Горбачев. Спасибо. Ты моя энциклопедия. Все, милая. Больше вопросов нет

Р. Горбачева. Мишаня, а ты кушал?

М. Горбачев. Не до этого. Видишь — над речью работаю. Эти толмачи — написать написали, а ударение лень поставить. Вот и сижу, маракую — как и что. Все-таки на серьезную аудиторию выходить.

Р. Горбачева *(целует его в щеку)*. Не буду мешать вашему творческому процессу, господин генеральный секретарь. Ха-ха...

М. Горбачев. Умница. Не жена, а золото.

Р. Горбачева уходит. Один. Задумался. Вдруг обнаруживает, что за его столом, только с противоположной стороны — древний старик.

Сон четвертый

Дед Кондрат. Здоров, Мишк.

М. Горбачев *(недовольно морщится, смущен панибратским обращением, но держит себя в руках).* Ты кто?

Дед Кондрат. Народ я. Вот кто. Не знаешь такого?

М. Горбачев. Знаю, знаю, но ты-то как сюда попал?

Дед Кондрат. Мы с тобой одной веревочкой связаны: куды ты, туды я.

М. Горбачев. Слышал я эту песенку — альпинисты поют ее. Тебе-то что нужно?

Дед Кондрат. Без меня ты перестройку не осилишь...

М. Горбачев. Понял. Ты — ходок. К Ленину, помнишь, приходили ходоки?

Подсаживается к деду. Тепло:

Из какой же губернии?

Дед Кондрат. Из твоей родной, Ставропольской. Села Привольного. Помнишь такое?

М. Горбачев. Привольное? Дед Кондрат? Земляки! Вот сюрприз. Ну, рассказывай, как вы там, что привело... Постой, постой... А ты же умер...

Дед Кондрат. Народ не умирает. Это вожди только могут. Чуть что и — глядишь: скопытился. От непосильных трудов за народное дело... Свято место пусто не бывает... Раз — и другого приставили. А народ остается. Он вечный.

М. Горбачев. Золотые слова! В духе нового м‘ышления. Нет — мышл‘ения. Вот здорово. Это надо записать. Для доклада пригодится. Я люблю такие сочные выражения.

Дед Кондрат. Миш, передо мной-то не надо выкобениваться. Я ж тебя помню с тех пор, когда ты еще свою сопатку рукавом вытирал... Будь, каков есть. Так-то оно лучше. И не надо подлаживаться под всех, кто тут на верху: не догонишь...

М. Горбачев. Ну, что ты, дед Кондрат... давай поразмышляем вместе. Я как раз к докладу готовлюсь... Дай-ка мне какой-нибудь примерчик для оживления.

Дед Кондрат. Мертвых не оживишь.

М. Горбачев. Я имею в виду — для оживления в зале. Они, знаешь ли, любят, когда им подкинешь что-то смачное.

Дед Кондрат. Пожрать, что ли?

М. Горбачев *(смеется)*. Устарел ты, дед. Уже свой язык не понимаешь... ну, ладно, я по-привольненски говорить буду. Скажи мне, дорогой, как жизнь на селе?

Дед Кондрат. Откровенно?

М. Горбачев. Только откровенно! В Центральном комитете должны все знать из первых рук... Как живет народ, чем недоволен, одобряет ли перестройку.

Дед Кондрат. Мне даже на том свете видно: в селе жизнь хреновая. В городе — тоже. Хотя поначалу обрадовались: свобода! А на поверку — один обман. Но будет еще хреновее...

М. Горбачев. Ха-ха... Вот это учудил дед Кондрат... Значит, еще хреновее?

Дед Кондрат. Именно.

М. Горбачев. И почему ж так?

Дед Кондрат. Откровенно?

М. Горбачев. Как на духу.

Дед Кондрат. Только без обиды, Мишаня, ладно?

М. Горбачев. О чем речь...

Дед Кондрат. Не за те вожжи ты взялся. Проще: не по Сеньке шапка!

М. Горбачев. Ну, даешь, землячок. Я думал, ты что-нибудь путное подскажешь... Пример из народной гущи приведешь, а ты демагогию развел.

Дед Кондрат. Ты спросил, я ответил. А вообще я не затем пришел. У нас там, на том свете, все в гробах поперевернулись. От твоих реформ... Ну, рази можно свой народ на колени ставить?!

М. Горбачев. Ой, как ты отстал, дед. Ты когда умер? В пятьдесят третьем, кажется?

Дед Кондрат. В том самом, в один день с Иосифом Виссарионовичем.

М. Горбачев. Сталинист, значит... Тебе не понять, какое великое дело затеял твой земляк. Всему миру на удивление.

Дед Кондрат. Весь мир смеется над тобой. Хвалит и смеется... А ты уши развесил и думаешь, взаправду такой великий. Люди ценят вождей, когда они на деле для народа. А у тебя — одно ля-ля...

М. Горбачев. Все, дед! Аудиенция окончена. Мне некогда. Надо еще доклад перечитать. Народ ждет.

Дед Кондрат. Я — тоже народ. Но я не жду, потому что ждать нечего.

М. Горбачев. Не выводи меня из себя, дед, а то позову охрану.

Дед Кондрат. Сейчас уйду. Скажи на прощание — о чем твой доклад?

М. Горбачев. Могу. Только коротко. В условиях перестройки мы оказались перед лицом новых проблем социализма. Нам нужно срочно наращивать интеллектуальный потенциал перестройки. Наступило время действовать. Хватит?

Дед Кондрат. Хватит... Все это дурно.

Исчезает.

М. Горбачев *(Остается один, за тем же столом. У него растерянный вид. Пожимает плечами, крутит пальцем у виска).* Что это со мной? Дочитался... Призраки всякие ходят.

Но откуда-то из глубины слышится отчетливый голос Деда Кондрата: «Все это дурно...». М. Горбачев проходит по пустому кабинету и уже у самой двери перед ним, как из земли, появляется Дьявол.

Сон пятый

Дьявол. Привет. Я все слышал. Но ты не отступай. У тебя своя стратегия и тактика. Весь мир будет в восторге. Ты нужен истории, а не какому-то Кондрату.

М. Горбачев. Правда?

Дьявол. Правда. Режь правду-матку и дальше. Народ тебя ждет. Народ тебя поддержит. Откровенно расскажи ему правду о Брежневе, Андропове... Это ж от них народ страдал. И побольше рассказывай. Народ любит правду. Он тебя поддержит.

М. Горбачев. И в самом деле: чего это я? Народ уже не тот. Он вместе со мной перестраивает свое м‘ышление, нет — мышл‘ение.

Дьявол. И не бойся его. Вся власть в твоих руках.

М. Горбачев *(раздраженно)*. Вы мне оба надоели. Сгинь, грязная тварь!

Крестится. Дьявол исчезает. Из глубины слышится его голос: «А еще генеральный секретарь...».

Вновь роскошная квартира М. Горбачева. Ее хозяева отдыхают, сидя перед телевизором. Раиса Максимовна в очень нарядном платье. Светится от счастья.

Р. Горбачева *(любуясь мужем)*. Как я рада, милый, что ты взял курс на зарубеж. Очень точный расчет! Главное — там нас признали! А дома — само собой... Никуда не денутся. Генсек есть генсек.

Подходит к телевизору, вставляет видеокассету.

Это пресс-конференция. Париж! Я так давно люблю Париж.

Включает японский телевизор. Зритель не видит изображение, но слышит отчетливый голос М. Горбачева: «Наш народ, как и любой другой, хочет жить лучше и доволен тем, что за последние два десятка лет реальные доходы на душу населения удвоились, цены на основные продукты питания не росли... жилье предоставляется бесплатно, квартирная плата в среднем 3 процента семейного бюджета... создана и действует система бесплатного народного образования и здравоохранения... Так что давайте будем смотреть вперед...» Р.Горбачева выключает телевизор.

Париж! Какая красота... Елисейские поля, Лувр...

М. Горбачев. Включи еще на пару минут.

Р. Горбачева *(включает)*. Тут сейчас будет глупый вопрос журналиста...

Вопрос: «Правда ли, господин Горбачев, что в Советском Союзе 4 миллиона политических заключенных?» Возмущенный голос М. Горбачева: «Абсурд! Это напоминает, знаете ли, Геббельсовскую пропаганду. Я поражаюсь, что вы, господин Мурузи, человек образованный, современный, могли задать такой вопрос. Повторяю: это абсурд.»

Р. Горбачева *(выключает)*. По-моему, это провокация.

М. Горбачев. Чихал я на всякие провокации. Давай еще посмотрим.

Р. Горбачева. И я чихаю.

Голос Горбачева: «Стиль, который мы культивируем в нашей партии, мы определяем как ленинский стиль работы... Широкое общение с трудящимися, гласность, изучение реальных процессов...»

М. Горбачев. Э-э. Ладно, выключай.

Р. Горбачева. Давай поездку в Индию посмотрим. Божественная страна... А как нас там принимали! Или Штаты... Нэнси Рейган — просто душка. Можно Германию. Какой милый человек Коль...

М. Горбачев. Что-то пропало настроение.

Сидя в кресле, М. Горбачев включает портативный радиоприемник фирмы «Сони». Звучат частушки:

По России мчится тройка:
Мишка, Райка, перестройка.
И куда ж несешься ты?
До последней до черты!
Райка новые наряды
Надевает каждый час.
Это ж сколько денег надо!
Ничего! Займет у нас...

Выключает и радиоприемник. Возмущенно: «Вот гласность в ее извращенном виде... Что хочу, то и ворочу... Я бы этих рифмоплетов подвешивал за одно место и пусть бы себе болтались, пока не оторвутся.»

Р. Горбачева. Быдло неблагодарное... Для него же стараемся...

М. Горбачев. Только нигде не говори так.

Р. Горбачева. Доведут — и скажу! Что это такое — подымать руку на святая святых, будто генеральный секретарь для них Ванька с улицы.

М. Горбачев. Успокойся, Раюшка. Не надо. Не все же такие. Народ у нас, в основном, хороший. А это так — собака лает, караван идет.

И, как бы забыв о частушках и волнении жены, продолжает:

Представляешь: я клюнул на предложение американских товарищей написать книгу о перестройке. Будем выпускать одновременно в США и дома. То, что мы затеяли у себя, заслуживает большой книги, а по масштабам — планетарное явление.

Р. Горбачева *(вновь в хорошем настроении)*. А Михаил Сергеич — генеральный секретарь планеты... Такая должность появилась.

М. Горбачев. Нет, я серьезно. Уже есть наброски.

Идет к столу, выдвигает ящик. В руках листки.

Вот план книги и некоторые тезисы. Я никак не вдолблю этим... ну, ты знаешь, кого я имею в виду; не вдолблю, что надо во всем менять подходы.

Перестройка, Раюшка, это процесс революционный, даже скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик. Нам надо изо дня в день прибавлять в работе, наращивать ее темпы... Видишь, какие частушки поют, а есть, наверное, и похлеще. Это же показатель... В общем, мы будем ломать все отжившее, застойное. И главное — не заболтать демократию, не заболтать гласность, как бы ни была она неприятна. Гласность нам нужна, как воздух.

Р. Горбачева. Только не такие частушки.

М. Горбачев. Согласен. Они мне тоже не нравятся, но ты же понимаешь, что это выпуск пара... Иначе котел взорвется. Вот на днях мне одну частушку показали. Записана где-то в глубинке. Запоминается. Хочешь послушать?

Р. Горбачева. Нет, не хочу. Опять какая-нибудь пошлятина. Противно.

М. Горбачев. Я, знаешь ли, тоже без радости особой читал, но это же народное творчество, и запретить его просто невозможно... К тому же ее содержание — недалеко от истины. Послушай. *(Читает.)* Перестройка скачет бойко, Райка с Мишкой впереди. Залила страну попойка, Как осенние дожди... *(Смеется.)* Ха-ха... с этим действительно надо кончать.

Р. Горбачева. С частушками или пьянством?

М. Горбачев. Пьянством... Вплоть до сухого закона. В политбюро уже занимаются этим вопросом... Но вернемся к книге. Так вот — главная ее идея в том, как сказал Сент-Экзюпери, — все мы пассажиры одного корабля — Земли. Утонуть или выплыть можно только вместе. Мы обязаны снять всякую опасность ядерной войны, в которой не может быть победителей. И запад

это, кажется, уже понял. Ты думаешь, почему они на встречах кричали «Горби! Горби!»? Они увидели, что нашелся человек, который их уводит от ядерной катастрофы.

Р. Горбачева (*кружится по комнате, демонстрируя мужу новое платье*). И ты сумеешь с ними договориться? Не получится, как в Рейкьявике?

М. Горбачев. Нет, мы же с Рональдом в Нью-Йорке обсуждали проблему полного уничтожения ядерного оружия и, в основном, договорились..

Р. Горбачева. Я надеюсь.

Затемнение. Появляется Дьявол.

Сон шестой

Дьявол. Привет, коллеги! Вы чем-то обеспокоены?

М. Горбачев. Всегда некстати. Чего тебе надо?

Дьявол. Разве вы забыли о сотрудничестве? Разве вам не нужна моя помощь?

Р. Горбачева. Какая самонадеянность!

Дьявол. Вы не правы, прелесть моя. Это — уверенность.

М. Горбачев. Так чего тебе надо?

Дьявол. Настоящей работы, свет очей моих. Вы слишком медлительны. Оба! Если перестраиваться, так по большому счету. Надо сделать так, чтоб абсолютно каждый человек это почувствовал.

М. Горбачев. Такой возможности пока не вижу.

Дьявол. Свет очей моих... Вам подарили такой титул — великий реформатор века! Так и надо действовать соответственно... А чтоб дело легче шло, энергичнее ругай всех своих предшественников. Компромата на них — горы. Тебе поверят. Мы так сделаем, что поверят. Это расширит круг ваших с Раисой Максимовной сторонников. А чтобы его еще увеличить, чаще обещай — улучшить, углубить, ускорить... Например, к двухтысячному году — каждому по собственной квартире.

М. Горбачев. Ха-ха... Ты бы что-нибудь потоньше придумал. Этот анекдот я слышал двадцать лет назад.

Дьявол. Гениальное — вечно. А вождю игнорировать вечные категории — глупо.

М. Горбачев. Я что-то не пойму твоих забот.

Р. Горбачева. Да! К чему все это?

Дьявол. Хочу помочь вам, коллеги, чтоб вам легче работалось.

М. Горбачев. С этим у меня пока проблем нет.

Дьявол. Ошибаешься, Михаил Сергеевич. Пока вы с Раисой Максимовной всякие круизы совершали, люди разболтались. Гайки ослабли. Тебя, например, даже разъездным генсеком уже называют... О вас, прелесть моя, всякие скабрезности сочиняются. Просто неприлично. Надо пресекать. И в прессе, и на телевидении.

М. Горбачев. Я объявил гласность и — пресекать? Куда ты меня толкаешь?

Дьявол. В ваших же интересах. Пресса уничтожит кого хочешь... Поэтому, Михаил, надо приручать ее. Как собачку, как беркута, как удава.

М. Горбачев. И что дальше?

Дьявол. А дальше — пишем диктант. «Слава Горбачеву!» И все повторяют: «Слава!». «Слава Раисе Максимовне!». И все пишут: «Слава!». Оглянулись — родилась диктатура.

М. Горбачев *(перебивает)*. Нет и нет. Я за плюрализм.

Дьявол. Но чтоб у этого плюрализма был голос генерального секретаря.

М. Горбачев. Ты говори, да не заговаривайся.

Р. Горбачева. Знай меру.

Дьявол. Я с самого начала сказал: будете слушаться — возвышу до небес. Нет — полетите в тартарары. Оба!

М. Горбачев *(садится в кресло, огорчен)*. Чем ночь темней, тем ярче звезды.

Дьявол. О чем это ты?

М. Горбачев. Привязалась одна строчка из стихотворения...

Дьявол. А ты должен повелевать стихиями!

М. Горбачев. Ничего я не должен. И прошу тебя: не мешай. Люди и без тебя мне спасибо скажут. Кстати, каждый день я получаю мешки писем, из которых видно: довольны люди, жить стало намного интересней.

Дьявол. Вот и хорошо. Значит, поторапливайся с перестройкой. Они будут еще больше довольны.

Р. Горбачева *(нервничает)*. Послушай, как тебя там... Оставь нас в покое.

Дьявол. Это уже несерьезно, прелесть моя.

М. Горбачев. Прилип, как репей. Больше не к кому было липнуть?

Дьявол. Браво, коллеги! Браво! Больше не к кому. Вы — единственные в своем роде.

М. Горбачев *(вскакивает)*. Вон отсюда, садист!!!

Дьявол *(учтиво)*. Слушаю и повинуюсь.

Уходит. У дверей останавливается.

До завтра.

Р. Горбачева. Вот скотина.

М. Горбачев. Помягче, Раюшка. Все равно не отлипнет.

Дьявол (*в проеме двери)*. Гениально! Так держать, свет очей моих.

Сон седьмой

Пейзаж тот же, что и в третьей картине. Слышится отдаленный шум прибоя. Пляж. Вокруг теннисного стола стоят болельщики — Энгельс, Сталин, Хрущев, Брежнев, Курода, Цутому Миура. Все в плавках. Ожидается появление Маркса. Игру начинают Ленин и Горбачев.

В. Ленин. Ну, что ж, батенька, начнем, пожалуй.

М. Горбачев. Начнем.

Идет энергичный переброс шарика обоими партнерами.

В. Ленин. Никогда не думал, что увлекусь этим буржуазным видом спорта.

М. Горбачев. Нынче каждый школьник играет в теннис.

В. Ленин. Я слышал — и отдельные вожди. Мне, к сожалению, при жизни не довелось овладеть...

М. Горбачев. Но у вас хорошо получается...

В. Ленин. Я прошу: без подхалимства. Играем на вылет. Вот так — получите! Вы не догадываетесь, почему здесь собралась столь почтенная публика?

М. Горбачев *(останавливает игру и только теперь замечает, кто эти болельщики. Смущен)*. Не-ет! Такие люди... Я выхожу из игры.

В. Ленин. И так во всем! Заварит кашу, а потом — «я выхожу из игры». Нет, голубчик. Будьте любезны играть до конца.

Горбачев хочет передать ракетку Каньити Куроде. Появляется К. Маркс.

Каньити Курода. У меня плохое зрение... и я пришел сюда не играть, а говорить.

М. Горбачев *(обращается к подошедшему К. Марксу)*. Может, вы, Карл Генрихович, поиграете... с Владимиром Ильи́чем?

В. Ленин. Не увиливайте, господин генеральный секретарь. Взялся за гуж, не говори, что не дюж... Эдак вы и в политике трусливы?

М. Горбачев. Нет, что вы. Меня весь мир называет смелым реформатором.

В. Ленин. Капиталистический мир.

М. Горбачев. И соцлагерь — тоже.

В. Ленин. Сомневаюсь... *(Посылает шарик.)* Получите еще одно очко! Некоторые ваши оппоненты играют лучше.

М. Горбачев. У них — большой теннис.

В. Ленин. Каковы счета — такова игра.

М. Горбачев. Ха-ха...

В. Ленин. Ах, как неуклюже. Вот, получите еще шарик.

Останавливает игру.

Все эти господа-товарищи, разумеется, кроме японцев, которых я не знаю, но которые пришли сюда с того света...

Каньити Курода. Я еще жив, Владимир Ильич, и намерен до конца дней...

В. Ленин. ...значит, — к нему (*показывает на М. Горбачева).* Так позвольте мне закончить. Все эти господа готовы учинить вам самый пристрастный суд. Я даже сумел обвести часовых и прямо из мавзолея сбежал сюда, на теплые воды, где вы, вместо того чтобы спасать отечество от развала, хапаете южное солнце.

М. Горбачев. Владимир Ильич!

В. Ленин. Я уже сто двадцать шесть лет Владимир Ильич, и не смейте мне прекословить! Как юрист по профессии суд буду вести я.

М. Горбачев. Я тоже юрист и вашу кандидатуру отклоняю. Тем более, судя по газетам, у вас с этим делом не очень получалось.

В. Ленин. Возможно, возможно. Во всяком случае — лучше, чем у вас. Итак, первое слово предоставляю основоположнику марксизма господину Карлу Генриху Марксу.

К. Маркс подходит ближе к Горбачеву. Всматривается в его лицо.

К. Маркс. Разница между вами и мной не только в том, что вы еще живы, а мой прах развеян по земле. Разница в том, что я в свое время очень много учился, думал о лучшем устройстве мира, его закономерностях, а вы галопом по Европам проскакали основы моей науки и с помощью таких же невежд и недоброжелателей России начали перестройку, не зная, с чего начать и чем кончить.

М. Горбачев. Товарищ Маркс... у меня есть концепция.

В. Ленин. Подсудимый Горбачев, я не давал вам слова. Продолжайте, товарищ Маркс.

К. Маркс. Как верно заметил господин судья, мы все нашли вас на закрытом пляже сибаритствующим, а говоря по-русски, катающим шарики, в то время, когда землепашец страны истекает потом, добывая хлеб.

М. Горбачев. Ближе к делу, товарищ Маркс.

К. Маркс. Ближе некуда! Вас для чего выбрали генеральным секретарем? Празднословить и праздновать?

М. Горбачев. Товарищ Маркс, ваши обвинения беспочвенны. Я день и ночь думаю о перестройке. Я навожу мосты.

К. Маркс *(перебивает)*. Вы губите Россию. Ваши мосты ведут в капитализм.

В. Ленин. И я об этом же.

К. Маркс. А вы помолчите, господин Ульянов. Я еще не закончил. Мне есть и вам что сказать.

В. Ленин. Говорите, говорите, товарищ Маркс, я с удовольствием выслушаю...

К. Маркс. Я все сказал в своих трудах, которые господин Ульянов вроде бы неплохо проштудировал. Однако от теории до практики...

В. Ленин. Полностью с вами согласен, а только этот товарищ решил переплюнуть Маркса.

М. Горбачев. Переплюнуть не могу — слишком высокие фигуры, но утверждаю: классика Маркса и Энгельса устарела. Пришла пора нового мышления.

К. Маркс. Надо полагать — горбачевского.

М. Горбачев. А что?

Цутому Миура. Головастик рождается только у лягушки, а сом у сома. Из маленького сома никогда не вырастет лягушка.

Все смеются.

Каньити Курода. Я хотел бы знать, что имеет в виду господин Горбачев под термином «социализм с человеческим лицом»?

М. Горбачев. Это, если хотите, соблюдение конституции, социальной справедливости...

В. Ленин *(перебивает)*. А на деле — возвращение к капитализму с его звериным оскалом.

М. Горбачев *(осмелев)*. Я осознаю, что беседую с призраками, а потому открыто заявляю: ваши рассуждения — XIX век. У нас новая парадигма, которая включает в себя все лучшее из интеллектуального наследия человечества.

Каньити Курода. Но вам не дано воспользоваться этим лучшим. Ни вы, ни ваши советники не понимаете антигуманной сущности экономической политики и методов производства в Японии, США, а пытаетесь копировать их.

В. Ленин. Куда конь с копыт'ом, туда и рак с клешней.

М. Горбачев. Правда, что умом Россию не понять. Никому и тем более — японцам.

В. Ленин. Не обобщайте, товарищ генсек. На земле немало людей, хорошо понимающих Россию.

Каньити Курода. В том числе — и в Японии.

К. Маркс. К сожалению, некоторые россияне, вроде вас, господин Ульянов, ее тоже не поняли.

В. Ленин. О чем вы?

К. Маркс. Я полагаю, что вам известно мое письмо к русской революционерке Вере Засулич, хотя оно и написано когда вы еще учились в начальных классах гимназии. Так вот там я утверждал, что Россия — единственная европейская страна, в которой земледельческая община сохранилась в национальном масштабе до наших дней... Обессиленная позже — вами и вашими последователями, она стала объектом эксплуатации со стороны властей. Вы почему-то умалчи-

вали об этом письме... Россия, эта необъятная страна полей и рек, стала ввозить хлеб и до сих пор ввозит его, вместо того, чтобы вывозить. Земля для крестьянина так и не стала его собственностью, а стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства.

В. Ленин. Прошу прощения, господин Маркс, но вам из вашего лондонского далека нельзя было видеть всех проблем России... И если бы не такие вот юристы *(указывает на Горбачева)* и прочие псевдореформаторы мы спокойно лежали бы в своих гробах, мавзолеях или пылинками носились по свету, удобряя и удобряя землю.

Появляется Ева. Она, как и прежде, игрива, весела. Фиговый листок на том же месте.

Ева. В мужской компании должен быть смех, веселье, а у вас скука, будто на суде или на похоронах.

В. Ленин. Господин Горбачев, вы всегда в трудные минуты призываете на помощь своих любовниц?

М. Горбачев. У меня их нет. Это Ева.

В. Ленин. Я уже имел честь лицезреть эту особу на нашей прошлой встрече. И ее поведение...

Мужчины отсутствующими взглядами смотрят на Еву, мимо нее, хотя она весьма соблазнительна.

Ева. И с перепугу дал стрекача, думая, что я, слабая женщина, осмелюсь посягнуть на вашу загробную девственность. Это вам не к лицу, Вольдемар.

Гладит Ленина по лысине и медленно начинает кружиться под мелодию вальса Штрауса.

В. Ленин *(стряхивая с лысины воображаемую пыль порока)*. Вы нам мешаете, мадам. Попрошу.

Ева *(останавливается возле Маркса, берет его за бороду, притягивает к себе)*. Улыбнись же, милый. С тобой хочет танцевать сама Ева! Твоя Женни ничего не узнает... Один вальсок!

К. Маркс. Ни ума, ни логики.

Освобождается из ее объятий. Горбачеву:

Это что за провокации? Вы хотите уйти от ответственности таким образом?

М. Горбачев. Товарищ Карл Генрихович, я тут ни при чем. Она сама.

Ева *(подходит к Сталину. Разглаживает ему усы)*. Ну, потанцуй же со мной, мой генералиссимус. Покажи им настоящий кавказский характер.

И. Сталин. Вы, конечно, очень привлекательны. Но на первый план коммунисты всегда ставили дело своей жизни. И сорвать нам суд над этим негодяем мы не позволим... Цари и я сделали все, чтобы сколотить супердержаву — Советский Союз. Страну, которую любили, боялись; страну, у которой учились, которой завидовали, — эту страну он пускает под откос, а вы, прекрасная дама, хотите, чтоб мы оставили его в покое.

Ева *(прижимается к Сталину своим бюстом)*. И оставьте! Он мировой парень, знает, что делает.

И. Сталин. Он знает, что делает?! Тогда мне вообще не о чем с вами разговаривать.

Ева. Позовете палача Берию?

И. Сталин. Надо будет — и позовем. На том свете берии тоже имеются.

Ева *(безудержно хохочет, переходя от Сталина к Хрущеву)*. Один вальсочек, Ника, а? Хочу потанцевать с могильщиком культа личности...

Н. Хрущев. Дело прежде всего.

Ева. И ты будешь утверждать, что всегда занимался делом?

Н. Хрущев. Именно.

Ева. А за какое ж дело тебя поперли от власти?

Н. Хрущев. История разберется.

Ева. Тут, Ника, ты, пожалуй, прав. Разберется.

В. Ленин *(ходит взад-вперед, разговаривая сам с собой, возмущенно машет руками)*. Как вы смели явиться сюда, сударыня? Вы нам срываете суд, на который собрались такие авторитеты.

Ева *(не реагируя на выпад Ленина, подходит к Брежневу)*. Вот единственный человек, способный понять меня. Правда, Ленечка?

Л. Брежнев. Взаимопонимание даже в застойное время было моим принципом.

Ева *(обнимает Брежнева. Целуются, как на аэродроме у трапа самолета, когда Брежнев возвращался из дальних стран)*. Один вальсок, Ленечка.

Л. Брежнев. Как давно я не танцевал!

Кружатся в вальсе.

Ева. Ленчик, ты не ругай этого меченого парня.

Л. Брежнев. Мишку, что ли?

Ева. Ну, конечно. Он не такой, как эти ортодоксы его представляют. Он — правильный.

Л. Брежнев. Я восхищен вашей красотой, Ева, но после таких слов... не имею морального права дальше танцевать с вами.

Кланяется и отходит в сторону.

В. Ленин. Что с вами происходит, господа? Вы позволили какой-то бабёхе сорвать праведный суд над разрушителем Отечества...

Ева *(кружится в вальсе одна. Незаметно вся компания берется за руки и вращается каруселью вокруг теннисного стола. Музыка громче, громче, смех веселее)*. Стойте, господа! Я сейчас для вас станцую!

Вскакивает на теннисный стол, окруженный корифеями марксизма-ленинизма.

Маэстро, музыку!

Под мелодию из «Травиаты» Дж. Верди Ева танцует на теннисном столе. Онемевшие корифеи вдруг начинают скандировать: «Браво, Ева! Браво, Ева!»

И вдруг все, кроме М. Горбачева, исчезают. Ева по-прежнему остается на столе. Приглушенно звучат мелодии из «Травиаты».

Ну, что, испугался? Подойди сюда, милый. Поближе. Еще. Со мной не пропадешь. Я — мать Земли.

Ева, как и в третьей картине, прижимает голову М. Горбачева к себе, только теперь лицо его касается не живота, а фигового листка. И М. Горбачев сначала стоит, как парализованный, потом начинает страстно целовать Еву — бедра, ноги, руки. Ева со стола сосулькой сползает в объятия М. Горбачева.

М. Горбачев *(кричит)*. Не-ет! Не-ет! Я не должен! Рая, Раюшка... Разбуди меня, я хочу проснуться. Я знаю, что это сон, Раюшка, разбуди!

Просыпается на подмосковной даче. Р. Горбачева рядом с ним в тени у фонтана.

Р. Горбачева. Что с тобой, Мишенька? Опять кошмары снятся?

М. Горбачев. Это ужасно: один и тот же сон преследует, да еще и с продолжением.

Р. Горбачева. Ты устал, милый. Здесь тебя и днем и ночью будут дергать... Надо ехать за рубеж. Только там можно отдохнуть. Гельмут опять в Германию приглашает.

М. Горбачев. Ух... Никак не отойду. Вот ужас.

Р. Горбачева. А я говорю: куда ночь, туда и сон.

М. Горбачев *(обнимает жену)*. Спасибо, милая.

Крым. Форос. Новая дача генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева. Все еще с печатью презентации божественного уголка на Земле, построенного и обустроенного под негласным руководством Раисы Максимовны. Вдали — море. Спуск к нему поражает архитектурной простотой и изяществом. Солнце. Горбачевы в купальных костюмах. Они только что вышли из воды, растираются полотенцами.

М. Горбачев. А теперь позагораем. Холодноватая вода.

Р. Горбачева. Я даже замерзла. Вишь, гусиная кожа.

М. Горбачев *(растирает ей плечи, спину)*. Ничего, сейчас согреемся — солнышко хорошее.

Р. Горбачева. И вообще — хорошо!

М. Горбачев. Если забыть о Кремле.

Р. Горбачева. А ты забудь. Вспомни Италию... Хотя наше море не хуже.

М. Горбачев *(вращает полотенце пропеллером, затем закидывает его за спину жены, взяв ее под мышки, весело кружит)*. Не хуже, не хуже!

Р. Горбачева *(хохочет)*. Что вы делаете, господин генсек? *(Хохочет еще громче.)* Отпусти, Мишенька. Голова кружится...

М. Горбачев *(отпускает жену, отдает ей и свое полотенце)*. Согрелась?

Р. Горбачева. Да, милый. Но Иришка-то, Иришка... Прям не выгонишь из воды. *(Складывает ладони рупором.)* Де-ти, вы-ле-зай-те!

М. Горбачев. Ничего с ними не станется. Зятек крепкий парень, а Ира не уступит ему.

Настраивает приемник. Голос диктора: «...вот уже пятый год у власти. Горбачев стал своим на Западе и совершенно чужим — дома. Его ничем не подкрепленные многочисленные обещания говорят лишь о крахе перестройки.»

Р. Горбачева *(выключает радиоприемник)*. Какая наглость!

М. Горбачев *(включает)*. Пусть говорит: свобода слова! Да и мне важно знать, что обо мне говорят.

Голос диктора: «...точно продуманный ход. Горбачев оказался как шпион в стане врагов, шпион, который притворился и ждал своего часа. И лишь придя к власти, он сбросил маску и объявил открытую войну тоталитарной диктатуре.»

М. Горбачев *(выключает радиоприемник, нервно бросает его в пышную траву газона)*. Ну, вот что с ними делать? «Шпион в стане врагов»... Отблагодарили за все мои старания...

Р. Горбачева. Собака лает, ветер носит... не обращай внимания, милый. Люди всегда такие неблагодарные.

Обнимает его. Идут вниз, к морю.

М. Горбачев. Нет, ты посмотри: они думают, что перестройка — это яичница, которую им готовенькой на сковородке преподнесут... Нет, дорогие, работать надо. Блага к вам сами не придут, и никто их вам не принесет на блюдечке с голубой каемкой.

Р. Горбачева. Успокойся, Миша... Мы приехали сюда отдыхать или слушать клевету?

М. Горбачев. Уж лучше бы это была клевета.

Р. Горбачева. Так ты что — согласен с этими бреднями?

М. Горбачев. Согласен, не согласен, а страна гудит, как развороченный улей. Мне показывали пленки с забастовочных митингов. Это не те приветливые лица, что мы видели с тобой в Подмосковье, в Красноярске... Это озверевшие толпы шахтеров, офицерских жен, железнодорожников, даже учителей! И все: дай, дай, дай! Знаешь, иногда думаю: мы обречены. Народ нас уберет. На первый план выйдут другие силы, с другой политикой. Но какой? Этих уже не остановить.

Р. Горбачева. Не тебе же останавливать! На то есть преданные люди.

М. Горбачев. Которых мы с тобой набрали... Чем ночь темней, тем ярче звезды... Вот они (*показывает в сторону детей)*, они с нами! А на этих — никакой надеги: в самый нужный момент они предадут и тебя, и меня. В знак благодарности.

Р. Горбачева. Миша, милый. Я прошу тебя... Мы же на отдыхе. Пошли окунемся в море и про все забудем. Много чести думать о них.

М. Горбачев. Уж такова судьба генсека: думать даже во сне.

Р. Горбачева. То-то и снятся тебе всякие кошмары.

М. Горбачев. А еще этот... с рожками. Помощничек нашелся. Скоро и сюда явится.

Р. Горбачева. Тут ему делать нечего. Он все больше в Кремле шастает.

М. Горбачев. Темные силы везде шастают.

Поднимает радиоприемник, недавно брошенный в траву. Включает. Голос диктора: «...на площадях столицы. Публичное сожжение партийных билетов приобретает массовый характер.»

М. Горбачев ищет другую волну. Там звучат частушки:

Любит Мишка с римским папой

С глазу на глаз говорить:

Тайно в мантию поплакал -

И пошел людей дурить...

Выключает радиоприемник и снова бросает его в траву.

М. Горбачев. Чем эфир засоряют. Беспредел какой-то!

Р. Горбачева. Мишенька, я для чего эту дачу строила? Правильно — для отдыха. Ты так устал... Пошли купаться.

М. Горбачев. Иди. Я один посижу. На тебя издали посмотрю...

Р. Горбачева. Хорошо, милый, я скоро вернусь.

Уходит.

М. Горбачев *(садится на лавочку).* «Тайно в мантию поплакал...» Вот борзописцы, всюду свой нос суют. Хрхр.

Засыпает.

Сон восьмой

Снова пляж. Суд над М. Горбачевым продолжается. Только теперь вместо теннисного стола обыкновенная деревянная лавка. Из одной широкой доски. На ней сидят обвинители. Суд ведет В. Ленин. М. Горбачев на площадке перед ними виновато переминается с ноги на ногу.

В. Ленин. Подсудимый Горбачев. Вы поставили великую страну на грань катастрофы, прикрываясь, как фиговым листком, термином «перестройка». Вы пытаетесь повернуть колесо истории вспять. Не кажется ли вам, что сейчас самое подходящее время оставить эту безумную попытку?

М. Горбачев. Мы идем нами же проторенной дорогой, и не беда, что в ходе перестройки приходится поправлять самих себя.

В. Ленин. Дорого обходятся народу эти поправочки.

М. Горбачев. Я вас уже слышал, Владимир Ильич. Пусть другие товарищи задают мне вопросы.

В. Ленин. Пожалуйста. Вот японский ученый... Кацуми Умэмото. Им со стороны еще виднее ваши, мягко говоря, ошибки.

Кацуми Умэмото. Вы, господин, Горбачев, как говорят у вас в России, запудрили людям мозги своим плюрализмом, который привел общество к полному разладу в мышлении... Вы хоть это понимаете?

М. Горбачев. С этим можно поспорить. Но я не могу отступить. Я должен идти вперед...

В. Ленин. Каким же образом?

М. Горбачев. Мы отстаем от Японии, Германии, Штатов и, если хотите, — Гвинеи Бисау. Это недопустимо. Путь один — новое м‘ышление, нет мышл‘ение в решении всех текущих проблем.

Троцкий. Как же вы можете по-новому мыслить, если самоотверженную борьбу наших павших товарищей, тысячи и миллионы жертв сталинизма вы забыли, «как [illegible] как утренний туман», и пресмыкаетесь перед [illegible]ами империализма?

М. Горбачев. Это уже слишком. Деловые отношения, которые лучше любой войны, вы называете пресмыкательством...

Н. Хрущев. Вы должны ответить за развал Советского Союза. Я точно вижу, что его дни сочтены.

М. Горбачев. Тогда позвольте и вам задать вопрос на засыпку. Вы лично спросили у народа, когда отдали Украине жемчужину России Крым?

И. Сталин. Фарисейский вопрос. А ты, Михаил, кого спрашивал, когда передавал Соединенным Штатам шельф Берингового моря, в результате чего Россия потеряла 150 тысяч тонн рыбы (ежегодный улов) и запасы нефтеносного сырья, превышающие самые крупные на сегодня запасы нефти Кувейта? Ты у кого спрашивал, когда отдавал добро голодающего народа чужому дяде? Я хочу услышать четкий ответ.

М. Горбачев. Я бы задал вам, Иосиф Виссарионович, встречный вопрос: а вы для чего устроили искусственный голод в 1932 году? Но я не буду спрашивать ответа, потому что заранее знаю его: надо было решать вопрос индустриализации страны, ее сельского хозяйства... На этот вопрос историки без вас уже дали и еще дадут ответ. А что касается меня — я руководствовался интересами государства.

И. Сталин. Тогда еще один вопрос: что получило государство взамен такого преступного руководствования?

М. Горбачев. Мм...

И. Сталин. Вот именно — мм... Я очень сожалею, что ты, Горбачев, живешь на этом свете, а я — на том. Но это дело поправимо. Когда ты придешь к нам, в город мертвых, мы спросим тебя по большому счету: как ты, сын крестьянина, бывший коммунист номер один, смог продаться империалистам... Как ты, имея такую неограниченную власть, смог все развалить и разбазарить.

М. Горбачев. Я бы на вашем месте, Иосиф Виссарионович, не очень нападал на живых, ибо от них зависит: сохранится ли память о вас или нет.

В. Ленин. Отвечайте на поставленный вопрос, подсудимый Горбачев. Кому конкретно и за сколько вы продали Советский Союз?

М. Горбачев. Владимир Ильич, вы в том же положении, что и товарищ Сталин. Я не боюсь вас.

Каньити Курода. А я еще жив и вас, живого, спрашиваю: осознаете ли вы меру ответственности за то, что сотворили со своей страной и всем социалистическим лагерем?

М. Горбачев. Я сознаю одно: мир изменять можно, а главное — нужно!

Каньити Курода. Вы опять уходите от ответа.

М. Горбачев. Я дал людям свободу.

Н. Хрущев. Которая ничего не стоит. Полстраны охвачено явной и скрытой безработицей, полыхают межэтнические схватки, миллионы людей стали беженцами... Вы это называете свободой?!

В. Ленин. Товарищи, товарищи, у нас не конференция и не партийное собрание. Прошу задавать вопросы по существу.

К. Маркс. Отбросим эмоции... Скажите прямо: какой социализм вы хотите построить?

М. Горбачев. С человеческим лицом.

К. Маркс. Это ответ генерального секретаря? Господин Ульянов, я не считаю возможным далее задавать вопросы теоретического характера. Подсудимый Горбачев начисто лишен способности реалистического анализа.

В. Ленин. А что думают японские товарищи?

Умэмото Кацуми. Действия Горбачева на посту генерального секретаря глубоко затронули интересы половины человечества. Произошло это по двум причинам: первая — Горбачев-сан не теоретик, и в этом его беда; вторая — он преступно предал свою партию и свой народ, что вовсе небезразлично японскому народу. И наш вопрос один: признаете ли вы себя виновным в этой части обвинения?

М. Горбачев. Мм...

Появляется Ева.

Ева *(подходит к Умэмото Кацуми)*. Общий привет! Господин Уэмото, соблаговолите объяснить: отчего вы так заинтересованы работой этого славного джентльмена?

Уж не хотите ли вы отхватить у России кусочек Дальневосточной земли?

Умэмото Кацуми. Вопрос не моей компетенции.

В. Ленин. Уберите эту вульгарную бабеху!

Ева. Ха-ха-ах... Да тут же некому убирать!

Берет К. Маркса за бороду.

Может, Карл Генрих Маркс это сделает?

Отбрасывает его в сторону.

Или вы, Ленечка?

Л. Брежнев. Я принципиально не вступаю в конфликты с женщинами, особенно с такими вкусными, как вы, Ева.

Ева *(отбрасывает в сторону и Брежнева)*. Тогда вы, Иосиф Виссарионович?

И. Сталин. При жизни я это бы сделал с превеликим удовольствием, но на том свете грубость мне противопоказана: грехи надо отмаливать...

Ева *(отбрасывает и Сталина)*. Наверное, самый смелый из вас Лейба Давыдович?

Троцкий. Я только что вымыл руки с мылом.

Ева *(берет его за ухо и бросает в сторону)*. Чистоплюй несчастный! А-а... вот кто меня может удалить из вашего глупого сборища — Ника! Давай, Никита Сергеевич, сбацаем один вальсок на прощанье!

Н. Хрущев. С удовольствием!

Кружатся в вальсе. Ева напевает: «У моря, у синего моря...» и отталкивает Н. Хрущева.

В. Ленин. Что вы делаете? Опять нам срываете суд! Я вызову милицию.

Ева. Ха-ха-ха. Милиция трупов не обслуживает... Не психуй, Вольдемар! На пляже надо отдыхать, а не судилище устраивать.

Гладит В. Ленина по лысине.

Так что — станцуем?

Поет: «У моря, у синего моря...»

В. Ленин *(сам вырывается из ее объятий)*. Это все он *(указывает на Горбачева)* устроил этот цирк!

Ева *(подходит к Каньити Куроде)*. Мой узкоглазенький... Обними меня и уведи от них в теплые воды. Я готова...

Каньити Курода. Ева-сан, нельзя так с людьми обращаться.

Ева. Это они люди? Они — вожди. Те самые, что простых людей в болото затягивали, что ради собственной власти готовы пойти на самые тяжкие преступления. О, Курода-сан... вы — святой человек, вы — философ, и вы не знаете, что такое власть... Все проходит: чума, холера. И СПИД пройдет. А это, скажу я вам,— неизлечимая болезнь. Нет на земле большей заразы, чем власть. Нет и не будет лекарства, которое могло бы вылечить от этой болезни...

Каньити Курода. И все же, дайте нам закончить суд.

Ева. И ты туда же? Судить моего друга? На позволю!

Швыряет Куроду к остальным, отброшенным ранее. Подходит к Горбачеву. Обнимает его за плечи.

Милый мой мальчик... они все хотят твоей погибели. Вот им! *(Показывает фигу.)* Ты мой. И ничей более. Твою Раису Максимовну мы подвинем.

М. Горбачев. Мм...

Ева *(берет М. Горбачева в объятия)*. Подвинем, подвинем. Это я тебе говорю — первая женщина на Земле.

М. Горбачев *(прижимается к Еве, страстно целует ее)*. Я больше не могу.

Ева. И я... милый. С тобой так хорошо.

М. Горбачев. И мне... и мне.

В. Ленин. Вы видите, господа, что одна бабеха может с нашим братом сделать? Нет, я вызову милицию!

Ева *(оставляет М. Горбачева и вновь подходит к В. Ленину)*. Успокойся, Вольдемар, а то я тебя опять в мавзолей отправлю.

Вскакивает на пустую лавку.

Эй, вы, теоретики! Подходите ближе: для вас танцевать буду.

Мелодия из «Травиаты». Ева танцует, проходя по всей длине лавки. Теоретики любуются красотой ее движе-

ний, красотой тела. Все обнимаются и скандируют: «Браво, Ева!» Приходят в состояние экстаза. И вдруг все исчезают. На сцене остаются М. Горбачев и Ева. Ева попрежнему на лавке. Приглушенно звучит та же мелодия.

Подойди ко мне, дорогой.

М. Горбачев *(подходит. Ева медленно танцует, оставаясь на одном месте. Он обнимает ее, прижимаясь лицом к фиговому листку. Похоть берет верх над самообладанием. М. Горбачев снимает Еву с лавки и несет на руках в сторону моря.)* Я больше не могу.

Ева. Ты... ты куда меня несешь?

М. Горбачев. Ну, не здесь же.

Ева *(выскальзывает из рук М. Горбачева)*. Я довольна тобой. И Раисой Максимовной. Вы хорошо потрудились... Это все вам зачтется... Очнись, реформатор.

М. Горбачев. Мм... Хр-р. Раюшка, разбуди меня. Я знаю — это сон. Но мне страшно.

Р. Горбачева *(поглаживает мужа по лицу)*. просыпайся, милый, просыпайся. Опять кошмар приснился?

М. Горбачев *(просыпается)*. Третья серия. Надо рассказать Чазову.

Р. Горбачева. Я сейчас же его вызову. Идем в спальню. Тебе надо успокоиться.

М. Горбачев. Пойду окунусь в море. Только так я отойду... Наваждение какое-то. Перестройка боком выходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Кабинет М. Горбачева в Кремле. Его хозяин один, у окна. За окном Москва. Появляются члены Политбюро.

Диалог:

— Можно, Михаил Сергеевич?

— Входите, товарищи... какой разговор.

— Зашли поздравить первого президента СССР.

— Спасибо, спасибо. Но вы мне так — честно скажите: съезд правильно решил учредить институт президентской власти?

— Правильно.

— Очень правильно. И совмещение ее с постом генерального секретаря — правильно!

— Я тоже так думаю. Ведь вы посмотрите — что творится в стране. Литва уже, считай, отделилась, восстанавливает буржуазную конституцию 1938 года. Да что там Литва — вся Прибалтика готова уйти... И Украина туда же метит... Это недопустимо. Необходимо срочно включать президентскую власть в процесс консолидации всех здоровых сил перестройки. Нам нужен прочный консенсус. В противном случае страна будет и дальше катиться под уклон, и этим смогут воспользоваться деструктивные силы, провоцирующие беспорядки... В общем, президентская власть — это ключевой этап на пути создания правового государства.

— Правильно!

— Согласен с вами. Но мне нужна ваша помощь, какую я, например, постоянно получаю от Александра Николаевича (указывает на Яковлева), Эдуарда Амбросиевича (указывает на Шеварднадзе)... Теперь, и это я тоже хочу подчеркнуть, надо серьезно готовиться к референдуму. Сохранение СССР — это не сохранение старых порядков с засильем центра и обновлением союзного государства...

Голоса:

— Давно пора!

— Страна проголосует «за», вот увидите.

— Хотелось бы надеяться. И тогда мы превратим ее в федерацию суверенных республик, где надежно будут гарантированы права и свободы граждан всех национальностей... Что это я? Съезд перевел в кабинет президента... Ха-ха. В общем, мы открываем новую страницу в истории... Подходите к столу. Отметим это событие.

Члены Политбюро жмутся в нерешительности.

Голоса:

— Антиалкогольный закон вроде бы еще не отменен, Михаил Сергеевич?

— Персоналки не будет?

М. Горбачев. Не будет. Случай не ординарный. Президент разрешает. (Сам наливает шампанское.) Выпьем за новый Советский Союз.

Э. Шеварднадзе. И за его первого в истории президента! (Целует М. Горбачева.) За человека десятилетия!

Звон бокалов переходит в звон колоколов по покойнику. Все исчезают, кроме М. Горбачева. Стол пуст.

М. Горбачев. Вот и верь им: то ли правду говорят, то ли — подхалимы, и прикидываются. Хр-р. (Засыпает.)

Сон девятый

Возникает дед Кондрат.

Дед Кондрат. Наверху все прикидываются. То они сгорают от любви к своему народу, то обещают скорое светлое будущее... И ты такой же. Но если б не прикидывался, до сих пор сидел бы в своем Привольном...

М. Горбачев *(удивлен)*. Ба! Старый знакомый... Опять по мою душу?

Дед Кондрат. По твою, землячок, по твою.

М. Горбачев. Не лежится на том свете?

Дед Кондрат. Да как же можно лежать, когда держава рушится? Сколько нас полегло за нее! И в голод, и на войне, и на всяких стройках-перестройках... А теперь рушится. Вы же хоть чуть думайте там в своем Политбюро... Да и новоиспеченному президенту надо хорошенько думать. Или тебе опять мало власти?

М. Горбачев. Слушай, дед, мне нужна помощь живых, от мертвых какой толк?

Дед Кондрат. Ты же сам засомневался: правду ли тебе живые говорят или прикидываются. Мне брехать незачем: я — покойник. И я не боюсь, что ты упечешь меня куда Макар телят не гонял.

М. Горбачев. Ладно. Выкладывай все, что хочешь. Может, пригодится в работе.

Дед Кондрат. К нам и на тот свет приходит информация... Так что я в курсе всех событий... Михаил, Христом Богом прошу: не смеши людей, перестань делать их тупыми болванами.

М. Горбачев. Что ты имеешь в виду?

Дед Кондрат. Я имею в виду вашу разъяснительную болтовню. Вместо того, чтобы делать доброе дело для людей, вы все разъясняете, разъясняете...

М. Горбачев. Например?

Дед Кондрат. Вот, скажем, сейчас развернули работу по разъяснению народу, что необходимо сохранить Союз. Но он и без вас понимает, что нужно. Вы ввели войска в Афганистан...

М. Горбачев. Я не вводил. Я их вывел оттуда.

Дед Кондрат. Но четыре года наблюдал, как матерям привозили в «Черном тюльпане» цинковые гробы...

М. Горбачев. Я прекратил войну, этим все сказано, дед!

Дед Кондрат. В свое оправдание ты говоришь, что эта война была ошибкой... А люди называют ее преступлением, потому что пятнадцать тысяч парней ни за что ни про что полегли там... Вы пустили танки в Тбилиси, Вильнюсе, да мало ли еще где... Танки против своего народа. И тоже разъяснили ему... Вы повысили цены — разъяснили, деньги заморозили — разъяснили, президентский налог ввели — разъяснили. Он, народ, понимает не так, как надо понимать. А я тебя спрашиваю: кому надо?

М. Горбачев. Люди должны знать, почему правительство принимает те или иные решения.

Дед Кондрат. Судьбоносные?

М. Горбачев. Да, именно — судьбоносные!

Дед Кондрат. Еще бы... Особенно президентский налог. Обхохочешься... Покупает мужик газету, подает 15 копеек, а киоскер: «Еще две копейки». — «За что? — возмущается мужик. — Тут написано 15 копеек». — «Президентский налог», — отвечает киоскер. Мужик кидает еще две копейки и говорит: «Понял. Это Райке на трусы».

М. Горбачев. Какой Райке?!

Дед Кондрат. Твоей, какой же еще...

М. Горбачев. Темнота. Надо видеть перспективу, вперед глядеть. Потому я и вынужден был создать фонд...

Дед Кондрат. Но не таким же способом. До чего дошло: человек в платном туалете платит опять же 15 копеек. Ему говорят: «Еще две копейки. Президентский налог». Человек мочится и думает... Ни на минуту не забывает о тебе, таком заботливом, принимающем ежедневно судьбоносные решения.

М. Горбачев *(возмущенно)*. Все извратят, все переиначат, все испортят!

Дед Кондрат. Только тебе все это неведомо.

М. Горбачев. Зря смеешься: мне действительно неведомо.

Дед Кондрат. Как «неведомо» и то, кто отдал приказ стрелять по демонстрантам в Тбилиси...

М. Горбачев. Вот что, дед, не выводи меня из себя.

Дед Кондрат. Правда глаза колет... Но ты не обижайся. Я как земляк — земляку: нельзя так править. Ты не знаешь, почему все жулики довольны тобой? Потому что ты болтливая мямля. Цыгане и те от счастья захлебываются. Они говорят: «Куй железо, пока Горбачев. При нем даже лошадям можно вставить золотые зубы».

М. Горбачев. Ха-ха-ха. Веселый ты человек, дед Кондрат, но шел бы ты на свое кладбище...

Дед Кондрат. Мне не к спеху. И кое-что я еще хочу сказать. Как земляк — земляку. Не простят тебе потомки всего, что сотворено в твое владычество. Слишком дорогая цена! Ты посмотри: все гудит. Шахтеры Донбасса, Кузбасса, Воркуты продолжают бастовать, хотя

это отбрасывает и их, и всех нас назад. А что делать, если вы их не слышите?

М. Горбачев. Они требуют невозможного.

Дед Кондрат. Они требуют заработанное... Ты как-нибудь переоденься и пойди, постой в очереди, послушай, что люди о вас говорят: «Суки! Довели страну до ручки!»

М. Горбачев. Ломать старое без потерь, дед Кондрат, невозможно.

Дед Кондрат. И вы ввели чокнутую терапию...

М. Горбачев. Шоковую. Это чтоб быстрее переходный период преодолеть.

Дед Кондрат. Все равно — чокнутую. Сам посуди: какой нормальный человек с этого начнет перестройку? Насколько мне известно, терапия — это лечение. Так вот, у вас хватило совести признать, что весь народ болен и его надо лечить. Ну, разве это не чокнутая терапия? По-моему, она больше всего вам, кто там наверху, нужна.

М. Горбачев. На покойника не обижаюсь...

Дед Кондрат. И правильно. Обижаться нечего. Я думаю, это и дитю понятно: прежде чем что-то ломать, надо иметь новый план или проект, видеть, что за здание ты будешь строить. Умный мужик никогда не ломал своей хаты, если начинал строить на старом плане. Пока не построит. Ты же начал слом, а людей оставил под открытым небом.

М. Горбачев. Ты чего от меня хочешь, дед?

Дед Кондрат. Я и все люди хотим, чтобы ты не был куклой в чьих-то руках. Ведь мы все сначала поверили тебе, думали, что ты хочешь как лучше, а вышло, как всегда. Один гольный треп... У тебя столько власти, что завидки взяли бы любого императора. Но власть эта — холостая. Как холостой патрон в карабине.

М. Горбачев. Не понимаю.

Дед Кондрат. У тебя, Михаил, неограниченная власть безвластия.

М. Горбачев. Это уж ты загнул — дальше некуда.

Дед Кондрат. Действительно: дальше некуда. Какая ж это

власть, когда внутри страны идет безумная война, и ее некому остановить.

М. Горбачев. Войны все глупые.

Дед Кондрат. Но разжигают их либо вожди, либо кукловоды... Да, да. Разве можно сказать, что в стране есть сильная власть, когда в маленькой южной Осетии идет такое смертоубийство? Людей хоронят прямо во дворах; через перевал уходят женщины, дети, по пути тоже гибнут. Живым привезли из соседних республик хлеб, продукты. Голодные люди, как животные, бросаются за хлебом. Нет воды, нет света... А по радио весь день орут о победе на референдуме: «Союз сохраняется!» Значит, и президент сохраняется. И ему, видно, нет до всего этого дела. Люди плачут: «За что нам все это? За то, что мы осетины?» Этот же вопрос — «За что?» повторяют миллионы беженцев: русских, армян, азербайджанцев... А радио орет о победе... Кого над кем?!

М. Горбачев. Ты, случаем, не политработником на фронте был?

Дед Кондрат. Нет, я простым солдатом был. Артиллеристом. Первый заряжающий.

М. Горбачев. Говоришь ты хорошо. Но я тебе скажу откровенно: я затеял перестройку именно для того, чтобы не было ничего подобного.

Дед Кондрат. Э-э, милай. Прежде чем что-то затевать, надо видеть последствия. У тебя же с этим, видать, плохо. Со зрением политическим. Вот и разрастается это самое оно. Бедствие. А ты, президент-генсек, превратился в наблюдателя: посмотрел, пообещал и полетел дальше со своей Райкой. Мир повидать, себя показать. А дом все валится. И — никакой гарантии, что завтра людей не привалит совсем.

М. Горбачев. Как вы привыкли, чтоб над вами всегда была палка или кнут. Но мы же строим демократическое правовое государство!

Дед Кондрат. Что-то не видать строительства. Все больше руины, как в Сталинграде или в Берлине.

За спиной М. Горбачева появляется Ева, руками закрывает ему глаза.

М. Горбачев. Раюшка? Как ты сюда попала?

Ева *(голосом Р. Горбачевой)*. Ножками, ножками... Для меня все двери открыты.

Открывает М. Горбачеву глаза. Он удивлен, сидит с открытым ртом.

М. Горбачев. Мм...

Ева *(выходит, перед столом кружится в вальсе)*. Не узнал меня, милый? А я по тебе соскучилась.

М. Горбачев. Мм... Ну, так же нельзя, Ева. Ты... ты все же в Кремле...

Ева. А мне все равно: хоть в Кремле, хоть на пляже. Мне хорошо, где ты.

Дед Кондрат *(в шоке)*. Свят, свят, свят... (Крестится, протирает глаза, открывает их. Но Евы уже нет: она исчезла.) Это что за чудо? Или нынче такие бабы пошли? Прийти нагишом в кабинет самого президента... Ну, скажу тебе, Мишка: все вы тут чокнутые.

М. Горбачев. Мм...

Картина вторая

Вечер. Ново-Огарево. Приглушенно работает телевизор. В правом углу сцены, в кресле-качалке, — президент. Столик. На нем свежая пресса. Включена настольная лампа.

М. Горбачев (*просматривает газеты, журналы*). Хм... да... Джин вырвался из бутылки... Раюшка, подойди сюда.

Р. Горбачева. Я здесь. Что случилось?

М. Горбачев. Собственно, ничего: просто хочу поделиться...

Р. Горбачева (*садится рядом на пуфик, бросив взгляд на стопку газет и журналов*). Жизнь дорожает, а новые газеты растут, как грибы после дождя. И находят же люди деньги...

М. Горбачев. Это естественно: мы всем развязали руки для инициативы... Но я хочу вместе с тобой порассуждать вот о чем: прошел референдум. Страна проголосовала за Союз. А все по-прежнему кипит. Я днем и ночью слышу скрип этого огромного корабля... Такое ощущение, что он вот-вот рассыплется. А руль-то в моих руках... Я отвечаю за судьбу пассажиров... Что делать?

Р. Горбачева. Больше давить на помощников.

М. Горбачев. На них где сядешь, там и слезешь. В глаза улыбаются, вроде поддерживают, а доходит до дела — либо провалят, либо извратят. Одна алкогольная кампания принесла стране миллиарды убытков. И так во всем. Ты их выдвигаешь, ты им помогаешь, а они... Как ты думаешь, где тут собака зарыта?

Р. Горбачева. В каждом! Нужно, чтобы каждый отвечал за свое дело́.

М. Горбачев. Ну, а если не хотят отвечать?

Р. Горбачева. Убрать! Убрать, чтоб и духу их не было.

М. Горбачев. Да ты что... Тут подымется такой хай, что всем нам тошно станет.

Р. Горбачева. Этого не надо бояться. Ты ж сам говорил, что перестройка — это революция. Так?

М. Горбачев. Так.

Р. Горбачева. А революция не может быть без жертв, как не может быть и доброй феей.

М. Горбачев. Хотелось бы без жертв. Скажем, взять своим авторитетом.

Р. Горбачева. Лауреат Нобелевской премии, друг Буша, Коля...

М. Горбачев. Тут бы за своих удержаться.

Вбегает Ксюша.

Ксюша. Дедуня, скорей идем смотреть, как папа лошадкой работает.

М. Горбачев *(счастливо улыбается, целует внучку)*. Лошадкой?

Ксюша. Да. Настенька села на него верхом, а он на четырех ногах по полу скачет.

Р. Горбачева *(берет внучку за руку)*. Не мешай, Ксюшенька: дедуня работает.

Ксюша. Он газеты читает, а не работает... Пойдем, дедуня, там так интересно!

Р. Горбачева. Ксюша... *(грозит пальцем)*... не забывай, кто у тебя дедушка!

Ксюша. Знаменитый дедуня, вот кто.

Р. Горбачева *(игриво, полушепотом)*. Он — царь!

Ксюша. Который Грозный?

Р. Горбачева. Да.

Ксюша. А цари с внучками не играют?

Р. Горбачева. Играют, но у них мало времени: они должны много думать.

Ксюша *(разочарованно)*. О-о-о!

Р. Горбачева. А бабушке можно посмотреть?

Ксюша *(обрадованно)*. Можно! Конечно, можно. Идем скорей.

М. Горбачев. За ужином расскажете, а я пока прессой займусь.

Р. Горбачева и Ксюша уходят.

М. Горбачев. Сплошь порнография... Вот это джин!

Обеими руками взялся за голову. Слышит голос: «Какие надо плечи, чтоб такую голову удержать!»

Сон десятый

М. Горбачев *(присматриваясь к полумраку)*. Кто это?

Дед Кондрат. Привет, землячок! Сумерничаешь?

Загорается яркий свет.

М. Горбачев. А-а... Курьер с того света. Опять учить будешь?

Дед Кондрат. И рад бы, да грамотенки не хватает.

М. Горбачев. Тогда за каким же... ты сюда явился? Надоело лежать?

Дед Кондрат. Оно, конечно, можно бы еще, но разве улежишь там, когда ты со своим народом такие коники выкидываешь?

М. Горбачев. Что ты имеешь в виду?

Дед Кондрат. Хошь, анекдотец расскажу?

М. Горбачев. Я с внучкой не пошел играть — некогда, а ты с анекдотами суешься.

Дед Кондрат. Он по делу. Слушай.

М. Горбачев. Покороче.

Дед Кондрат. Русского спрашивают: «Что бы ты сделал, если бы вдруг открыли границу?» Отвечает: «Залез бы на дерево». — «Зачем?» — «Затопчут».

М. Горбачев. Во-первых, старо. Мы уже давно открыли границы. Во-вторых, тебе-то какое дело до этого?

Дед Кондрат. Душа болит: все лучшие мозги уплывают за границу, а тебе хоть бы хны.

М. Горбачев. Это, дед Кондрат, явление временное. Вот перестроим жизнь — они все вернутся.

Дед Кондрат. И потом, задрав штаны, будем догонять Запад. Не годится. Даже мне, старому дураку, понятно: умом государство богатеет. А ты его разбазариваешь... Не по-хозяйски, нет.

М. Горбачев. У меня нет выхода... Хотят уехать, пусть едут — нам легче будет.

Дед Кондрат. На карман легче. Он вовсе опустеет. Ты ж им и будешь платить втридорога. А почему бы не заплатить, когда они дома были, в Союзе? Нет, скажу я тебе, с мозгами тоже надо по-хозяйски...

М. Горбачев. Еще чего скажешь?

Дед Кондрат. Скажу. Трепаться надо меньше... Ну, зачем ты людям пообещал квартиры? К двухтысячному году — каждому! Сам знаешь, что это треп, а обещаешь... Эт чтоб за тебя голосовали? Этим пряником людей уже не заманишь. Они, брат, знают нынче, где дело, а где пряник... Не надо так, Миш, я тебя прошу. Как земляка!

М. Горбачев. А говоришь, грамотенки не хватает...

Дед Кондрат. У меня просто глаза есть, а у твоей компании они, видно, повылазили... Неужели ж не видно, что народ звереет от ваших реформ? На словах одно, на деле — всех по миру пустили.

М. Горбачев. Не надо, дед Кондрат, не надо. Мы дали людям свободу.

Дед Кондрат. Свободу выживания. Сумеешь выжить, выживай, а не сумеешь — коньки в сторону, на погост.

М. Горбачев. Ты меня извини, но это же примитивное м'ышление, нет мышл'ение... Люди освободились от идеологических шор...

Дед Кондрат. А жрать нечего.

М. Горбачев. Будет, скоро будет. Только подождите немножко.

Дед Кондрат. Еще лет сто? Спасибочки!

М. Горбачев. Никакой фантазии.

Дед Кондрат. Знаешь ли... когда тебе раз, два, три, четыре раза соврут, а на пятый скажут правду, пусть даже самую-самую правду, никто ей не поверит... Вера... Она на правде держится.

М. Горбачев. Как сказал классик, правда — бог свободного человека.

Дед Кондрат. Да, но свободу-то вы дали, а правда опять под сукном.

М. Горбачев. И нудный же ты, дед Кондрат... Скажи-ка мне лучше вот что: почему у нас так боятся Союзного договора? Ведь он, по нашим наметкам, к улучшению жизни направлен.

Дед Кондрат. Новой брехни боятся, а самые высокие чины

самого высокого кресла хотят. Неважно, как люди жить будут. Важно, чтоб чинам поцарствовать...

М. Горбачев. Мда... Но как ты думаешь, подпишут договор?

Дед Кондрат. Тогда царства не будет... Нет, Михаил, не подпишут.

М. Горбачев. Да ты что? Неужели не подпишут?

Дед Кондрат. Нет! И дело тут не только в чинах, что к высоким креслам рвутся.

М. Горбачев. А в чем же?

Дед Кондрат. В вас, в твоей команде. Уж слишком вы народ нагнули. Веревкой свободы с каждым днем все крепче удавку затягиваете. И беда людей не только в том, что бьют кнутом, а что уж слишком больно.

М. Горбачев. Ну, философ, ну, Спиноза!

Просыпается. Вбегает Ксюша.

Ксюша. Дедунечка, ну пойдем туда... Там так весело. Бабуля от смеха за живот держится и встать не может. Пойдем. Все ждут тебя и просят. И я, внучка грозного царя, прошу.

М. Горбачев. Вот видишь, дед Кондрат... Не дают работать. Придется идти.

Дед Кондрат. Ну, иди, иди. Это тоже нужное дело... Я к тебе еще наведаюсь.

Ксюша. Дедуня, а с кем ты еще разговариваешь?

М. Горбачев. Да есть тут один чудак.

Ксюша. А где же он?

М. Горбачев. Он — невидимка.

Ксюша берет М. Горбачева за руку и уводит.

Крым. Форос. Дача Президента СССР. У всех дверей сдвоенная охрана. В комнате перед кабинетом М. Горбачева его жена, дочь Ирина, зять Анатолий. Там, за дверью, решается судьба Президента и всей семьи. Все в напряжении. Приехавшие «посланцы» Кремля уже около двух часов беседуют с М. Горбачевым и, похоже, безрезультатно.

Вдали — море, у входа в бухту курсируют сторожевые корабли погранвойск.

Р. Горбачева (*взволнована, вызывает повара*). Галина Африкановна, пожалуйста, чаю.

Галина Африкановна. Может, принести и чего-нибудь перекусить?

Р. Горбачева. Спасибо, не надо. Только чаю.

Из соседней комнаты, увернувшись от охраны, выбегает внучка Ксюша, бросается к бабушке.

Ксюша. Бабулечка... Я так перепугалась, я так перепугалась... Они убьют нашего дедуню?

Р. Горбачева (*целует внучку, успокаивает ее*). Нет, миленькая, нет. Они не имеют права... Идем к Настеньке. Без тебя она будет плакать...

Ксюша (*Ирине*). Мам, они не убьют дедуню?

Ирина (*целует Ксюшу*). Не говори глупостей, доченька. Иди с бабулей.

Ксюша (*Анатолию*). Пап, а они не убьют дедуню?

Анатолий (*поглаживает ее по головке*). Ты же умная девочка...

Р. Горбачева (*берет ее за руку*). Идем, Ксюшенька!

Офицер молча пропускает их мимо себя. Анатолий обнимает Ирину. Та плачет.

Анатолий. Все будет в порядке. У них не хватит смелости.

Ирина (*всхлипывая*). В наше время все может быть.

Появляется Р. Горбачева.

Р. Горбачева (*смотрит в зеркальце, вытирая глаза плат-*

ком). Опять потекли... Бедные девочки. Обе плачут... Но мы должны быть вместе. В случае чего, мы не отдадим его...

Анатолий. Раиса Максимовна.

Ирина. Мам, не надо.

Входит Галина Африкановна. Несет на подносе чай, печенье. Подходит к каждому.

Галина Африкановна. Раиса Максимовна, выпейте: я заварила ваш любимый.

Р. Горбачева. Не могу.

Галина Африкановна. Ириша, деточка, выпей.

Ирина. Расхотелось.

Галина Африкановна. А вы?

Анатолий. Спасибо вам, Галина Африкановна. Но я тоже не могу. Спасибо.

Галина Африкановна (ставит поднос на столик). Успокоитесь — выпьете...

Уходит.

Офицер охраны. Здесь оставлять нельзя!

Галина Африкановна. Даже чай?

Офицер. Даже чай.

Галина Африкановна забирает поднос, уходит. Члены семьи М. Горбачева многозначительно переглядываются. Быстро, один за другим, выходят «посланцы» Кремля.

О. Бакланов. Здравствуйте...

Р. Горбачева *(не подает ему руки).* С чем приехали?

О. Бакланов. Вынужденные обстоятельства... Я тут ни при чем.

Уходит вслед за остальными и часовыми офицерами. Появляется М. Горбачев. Его семья сгрудилась вокруг него. У всех один вопрос: «Ну, что?» Но они его не задают.

М. Горбачев *(со сдержанным волнением подает листок Раисе Максимовне).* Подтвердилось худшее: создан комитет по чрезвычайному положению. Мне предъявили требование подписать указ о его введении в стране и передать свои полномочия Янаеву. Я отверг все это. Предложили подать в отставку. Я потребовал срочно

созвать Верховный Совет или съезд народных депутатов. Там и решим вопрос о необходимости чрезвычайного положения и моем президентстве... Буду до конца стоять за соблюдение Конституции.

Р. Горбачева. Так они отблагодарили тебя... Предатели! Мир им этого не простит.

М. Горбачев. Мда... Какая сволочь Янаев... Я его из грязи в князи вытащил, и он за это за все... Иуды! Ладно. Не будем расстраиваться — все уладится.

Идет на выход, за ним — остальные. У входа с наружной стороны та же охрана.

Выходить нельзя... Радио молчит, телевизор — тоже. Телефон обрезан... Это уже серьезно... Но я не сдамся. И вас не предам! Будем держаться вместе...

Зазвонил телефон в кабинете. М. Горбачев бросается к аппарату. Дверь открыта. Все — за ним.

М. Горбачев. Я Михаил Сергеевич *(жене: «Янаев»)*. Во сколько прилетаю девятнадцатого? Ах, ты даже встречать меня будешь?! Ну, это уже сказка. Жаль, тут рядом мои... Я бы тебе сказал по-мужски... В общем, ты м... и самоубийца, вся ваша шайка убийцы и самоубийцы... Ты на кого руку поднял? Чего я хочу? Я требую немедленно восстановить связь с Москвой, выслать мне самолет для моего возвращения на работу! Жду. Никаких «но»! Я вполне здоров, в нормальном состоянии, отдохнувший... Я требую приостановить принятые решения... Ну, это мы еще посмотрим. Войска вернуть в казармы. Никаких «но»! Слушай, ты, бандит с большой дороги... Принимать никого не буду, пока не включите правительственную связь. Все!.. Да! Пойду на крайние меры.

Кладет трубку.

Он еще будет мне ставить условия... Не волнуйтесь, ребята... Немножко посидим под домашним арестом — и в Москву.

Все остаются в кабинете. Тишина. Анатолий достает из заднего кармана радиоприемник фирмы «Сони», настраивает на нужную волну.

Анатолий *(интригующе)*. Не знали, что я припрятал? То-то... Послушаем, как за бугром клевещут?

Всеобщее согласие. Эфирный шум. Перевод с волны на волну. Голос диктора: «Говорит радиостанция «Голос Америки». Передаем указ вице-президента СССР: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР, на основании статьи 1277 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года Г. И. Янаев. 18 августа 1991 года».

М. Горбачев. Тварь поганая... Комсомольский выскочка... С девятнадцатого... А сегодня?

Р. Горбачева. Восемнадцатое.

М. Горбачев. Значит, готовились давно... за моей спиной. А в глаза — улыбались, расшаркивались... Это мне урок. Толя, включи еще.

Голос диктора той же станции: «...постановление №1 Государственного комитета по чрезвычайному положению Союза ССР... В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной войны Государственный комитет по чрезвычайному положению СССР постановляет...»

Р. Горбачева. Сволочи... Не с их умом наводить порядок.

М. Горбачев. Анатолий, что еще там?

Анатолий *(переводит рычажок приемника и замечает, как побледнела Раиса Максимовна)*. Что с вами?

Р. Горбачева. Ничего... все в порядке.

Анатолий *(передает приемник М. Горбачеву)*. Я выясню, что с ней.

Ирина *(пробует рукой лоб матери)*. Да у тебя же температура. Толь, маме плохо.

Анатолий *(щупает пульс, заглядывает под нижние веки глаз)*. На нервной почве...

Ирина. Инсульт?

Р. Горбачева. Гипертонический криз.

Анатолий. Совершенно верно. Аптечка есть? Ир, посмотри там дибазол. Очень хорошо. Разовый шприц. Сейчас внутримышечный укольчик... и все будет в порядке.

Р. Горбачева. Тише, не мешайте отцу слушать... Дочь, потри еще, немеет... пальцы, кисть, вся рука...

Анатолий (*профессиональным движением делает укол*). Нужен полный покой.

Р. Горбачева (*грустно улыбаясь*). Долго теперь не будет покоя...

Ирина (*укладывает мать на канапе, укрывает ее откуда-то взявшимся пледом*). Полежи, полежи...

Все внимание М. Горбачева приковано к приемнику. Голос диктора: «Кабинету министров СССР поручено в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991-1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 1,5 га».

М. Горбачев (*с возмущением*). Чем решили взять горожан... Как в семнадцатом: «Мир — народам, земля — крестьянам»... А теперь и горожан подключили. Вот идиоты.

Р. Горбачева (*из-под пледа*). Успокойся, милый. Не надо так...

М. Горбачев (*теперь только замечает, что с женой плохо*). А с тобой что?

Отдает приемник Анатолию, подходит к Раисе Максимовне.

Р. Горбачева. Все нормально. Сейчас пройдет...

М. Горбачев. Да ты вся дрожишь! Доктора!

Р. Горбачева. Уже не надо. Свой — не хуже. Анатолий все сделал.

М. Горбачев (*садится к жене на канапе. Ирина и Анатолий уходят*). Из-за меня?

Р. Горбачева. Из-за нас. (*Гладит его по руке.*) Мы с тобой. Мы вместе.

М. Горбачев (*наклоняется к ней, целует ее*). Спасибо тебе за все. Ты моя единственная...

Р. Горбачева. А ты — мой. Сильный и такой хороший.

М. Горбачев устраивается у ног жены и засыпает.

Сон одиннадцатый

Как и в предыдущих снах, он на пляже. Суд над ним продолжает В. Ленин.

В. Ленин. Я надеюсь, подсудимый Горбачев, на этот раз вы не будете призывать на помощь женщин сомнительного поведения?

М. Горбачев. На такие вопросы отвечать не буду.

В. Ленин. Не вынуждайте нас привлекать молодчиков из Управления.

М. Горбачев. Надеюсь, до этого не дойдет: ведь корифеи юридической мысли всегда искали истину справедливыми методами...

В. Ленин. Не будем пикироваться. Вы не ответили нам в прошлый раз: признаете ли вы себя виновным в том, что предали свой народ и партию? Может, соизволите сделать это сейчас?

М. Горбачев. Пожалуйста. Нет, виновным не признаю: я старался для народа. Я не умею делать колбасу, но я знаю, как делается политика. Не могу сказать, что я перерос партию, но вы, товарищ Ленин, и особенно Иосиф Виссарионович, превратили ее в орден меченосцев, слепо повинующийся своему магистру. И партия перестала выполнять волю народа, стала орудием личной власти генсека. История не забудет это. Но оправдает ли?

Л. Троцкий. Более чем скромное заявление... У меня вопрос к подсудимому.

В. Ленин. Пожалуйста.

Л. Троцкий. По уставу партии вы, Горбачев, должны были отчитаться перед нею, а не самовольно уходить с поста генсека. Это политическая сторона вопроса. Но КПСС была правящей партией, отсюда вопрос государственный: как вы посмели пустить под откос завоевания нескольких поколений, пустить собственный народ по миру с протянутой рукой, в которую чаще всего кладут камень?

М. Горбачев. Владимир Ильич, я по процедуре суда: отвечать буду только на конкретные вопросы, а не на иносказания.

В. Ленин. Уточним: товарищ Троцкий хочет знать, почему вы превратились в перерожденца, а ваши старания якобы для народа — не что иное, как чистая ложь. Ложь, из-за которой простой народ оказался за чертой бедности.

М. Горбачев. Ваши вопросы, Владимир Ильич, ничуть не конкретнее вопросов Троцкого. В чем моя вина?

И. Сталин. Как было отмечено раньше, вы с потрохами продались империалистам и тянете за собой весь народ, беднее которого нет сегодня даже в провинциях Зимбабве, в то же время, вы, подсудимый Горбачев, по нашим данным, владеете таким капиталом, что...

М. Горбачев. Гм... Даже вы, товарищ Сталин, отделываетесь общими вопросами, и понять вас так же трудно, как и всех этих...

И. Сталин. Это интересно... Вы не поняли, о чем я спрашиваю? Что ж, придется позвать на помощь Лаврентия Павловича... Товарищ Берия умеет ставить вопросы и добиваться положительного ответа...

М. Горбачев. Мм...

И. Сталин. Вот именно — мм... Но мы этого делать не будем: мы — не палачи. Вы сами ответите на наши вопросы.

К. Маркс. А их очень много. Особенно по перестройке, игнорирование теории...

Появляется Ева.

В. Ленин *(возбужденно)*. До каких пор это будет продолжаться?! Я предлагаю сменить место наших заседаний, чтобы туда и муха не залетела.

Ева *(подходит к В. Ленину)*. Вольдемар, уйми свой пыл. Я же сказала: не отдам вам моего Мишеньку на растерзание. *(Показывает в сторону.)* Иди отсюда.

В. Ленин молча уходит.

К. Маркс. Какое безобразие!

Ева *(берет его за бороду)*. И ты, доктор, уходи.

К. Маркс уходит.

Л. Троцкий. Владимир Ильич, вы опять не обеспечили...

Каньити Курода. Как жаль, что мы почти не коснулись

вопросов теории, незнание которой привело подсудимого и его страну к таким печальным последствиям.

Ева. Ах, какая жалость... Но и ты, мой узкоглазенький, отчаливай к себе в Токио.

Каньити Курода, поклонившись, молча уходит.

И. Сталин. Завидую! Это сила, это гипноз... Для государственного деятеля — незаменимый дар. Все и вся беспрекословно подчиняются...

Ева *(вращается вокруг собственной оси, поет).*

Я могилу милой искал,

Сердце мне томила тоска...

И. Сталин *(подпевает, сначала без слов, потом вспоминает).*

Где же, ты моя Сулико?

И уходит.

Ева *(М. Горбачеву).* Все они у меня, как глина? Что хочу, то и слеплю.

М. Горбачев. Если б ты знала, как они мне надоели...

Ева. Уже немного осталось.

М. Горбачев. Что, еще будут судить?!

Ева *(голосом Раисы Максимовны).* Все, милый, все кончилось. Теперь мы спокойно будем завершать начатое... Ну, что ты меня боишься? Я не кусаюсь.

Игриво кусает его за мочку уха.

М. Горбачев. Щекотно.

Ева. Какой ты стеснительный. *(Прыгает ему на живот, скрестив ноги за его спиной; обнимает, целует.)* Как истукан. Я, что, уже не нравлюсь тебе?

М. Горбачев. Я должен сказать, признаться, если хочешь: каждый раз при встрече с тобой шалею... Ты, как магнит.

Ева. Так действуй.

М. Горбачев. Боюсь. Я чувствую — где-то рядом жена. Очень хочу и боюсь. Стыдно, конечно, мужику бояться в таких случаях, но я боюсь.

Ева *(по-прежнему у М. Горбачева на поясе, обнимает и целует его).* Ну?

М. Горбачев. Что хочешь делай — не могу.

Ева. С женой надо посоветоваться?

Опускается на землю. Отходит в сторону.

Между прочим, ты еще не все разрушил... Договор надо выполнять...

М. Горбачев *(потирает лоб рукой)*. Тьфу, черт. Это ж опять сон. Рая, Раюшка, разбуди.

Просыпается. Сидит рядом с Раисой Максимовной.

Р. Горбачева. Опять сон?

М. Горбачев. Дурацкий... Очередная серия.

Р. Горбачева. Куда ночь, туда и сон.

Входит Ирина.

Ирина. Папа, дали связь с Москвой.

М. Горбачев *(подходит к телефону)*. Борис Николаевич? Я.

Голос Б. Н. Ельцина: Михаил Сергеевич, вы живы? И хорошо. А мы стоим насмерть!

М. Горбачев. Спасибо за поддержку.

Голос Б. Н. Ельцина: Мы тут уже доложили президенту Джорджу Бушу, как вы держитесь, как мы воюем... Он сам и его прелестная Барбара передают Раисе Максимовне привет, говорят, что три дня молились за вас...

М. Горбачев. Передайте, Борис Николаевич, от всех нас огромное человеческое спасибо им.

Голос Б. Н. Ельцина: Передам при первой же возможности.

М. Горбачев *(семье)*. Слышали?

Р. Горбачева. Слышали.

М. Горбачев. То-то... А вы боялись.

Картина четвертая

Ночная Москва. М. Горбачев один в своем кабинете президента. Он растерян. Никого не впускает к себе. Слушает последние известия. Голос диктора: «...сотни тысяч москвичей проводили в последний путь защитников демократии — Владимира Усова, Дмитрия Камаря, Илью Кричевского, остановивших танки путчистов».

М. Горбачев *(качает головой)*. Бедные ребята... Им бы жить да жить.

Звонит жене:

Раюшка, как ты себя чувствуешь?

Голос Р. Горбачевой: «Ребят жалко... Такие молодые...»

М. Горбачев. Есть еще патриоты... А ты слышала мое заявление?

Голос Р. Горбачевой: «О чем?»

М. Горбачев. Включи радио. Должны повторить...

Голос диктора: «Михаил Горбачев объявил о своей отставке с поста генерального секретаря ЦК КПСС и предложил Центральному Комитету самораспуститься...»

Голос Р. Горбачевой: «Все-таки решился?»

М. Горбачев. Другого выхода не было — это генсекство последнее время меня спутало по рукам и ногам.

Голос Р. Горбачевой: «Я сейчас к тебе приеду».

М. Горбачев. Ни в коем случае!

Голос Р. Горбачевой: «Что, так опасно?»

М. Горбачев. Я тебе запрещаю приезжать! Не обижайся... Слишком большой риск.

Голос Р. Горбачевой: «Но Ельцин же с тобой?»

М. Горбачев. Ты поняла меня?

Голос Р. Горбачевой: «Поняла... Держись, мой милый».

М. Горбачев. Постараюсь... Я перезвоню тебе.

В раздумье включает радиоприемник «Сони», ищет нужную волну. Говорит «Голос Америки»: «После путча в Советском Союзе 19 августа три высокопоставленных чиновника покончили с собой: бывший кагебист, министр

внутренних дел Борис Пуго, зав. административным управлением ЦК Николай Кручина и советник Горбачева в Кремле маршал Ахромеев. Они воплощали три столпа старого режима — КГБ, партию и армию...

М. Горбачев *(вскакивает из-за стола).* Вот болваны!

Проходит по кабинету, заглядывает под стол, за портьеру, пытается обнаружить подслушивающее устройство.

Все равно болваны. Трусы!

Диктор «Голоса Америки»: «А теперь некоторые подробности самоубийств. Борис Пуго был найден его престарелым тестем в доме на улице Рылеева. Пуго выстрелил себе в рот. Рядом, на полу, раненная в висок, жена путчиста. Пистолет, из которого стрелял самоубийца, оказался на тумбочке. Последняя деталь вызывает сомнения в подлинности такого самоубийства. Это — одна из бесчисленных загадок трех дней, которые потрясли мир и могли в случае удачи сбросить власть Горбачева...»

М. Горбачев. Хе-хе... Сомнения... Сбросить власть...

Засыпает. Появляется дед Кондрат, прислушивается к передаче. М. Горбачев пока не замечает его.

Сон двенадцатый

Дед Кондрат. Эх ты, землячок... Она и так л'яснулась, власть твоя.

М. Горбачев. Тьфу на тебя, дед Кондрат! Ты как чекист какой-то — за каждым шагом моим следишь.

Дед Кондрат. А я кто? Народ! Вот и слежу. И сумлеваюсь в тебе.

М. Горбачев. Нахал ты — вот кто.

Дед Кондрат. Все равно сумлеваюсь. Не могли же сразу три таких больших чина руки на себя наложить. Знамо дело, помог кто-то...

М. Горбачев. Я не помогал.

Дед Кондрат. Еще бы — президент будет своими руками...

М. Горбачев. У меня таких рук нету. Я один остался — все предали меня.

Дед Кондрат. Как аукнется, так откликнется.

М. Горбачев *(пассивно)*. А говоришь — не нахал.

Дед Кондрат. Дурень ты дурень... Я хочу уберечь тебя и людей от глупой погибели.

М. Горбачев. Эти трое тоже хотели уберечь, а вишь, чем кончилось?

Дед Кондрат. Чем кончили... Как хочешь: не поверю, чтобы прославленный маршал, твой бывший советник, сам в петлю полез. Это не по-военному. Явно помогли ему.

М. Горбачев. Не я.

Дед Кондрат. А я и не говорю, что ты. Твои люди. Концы в воду надо же прятать...

М. Горбачев. Ложь и провокация!

Дед Кондрат. История разберется.

М. Горбачев. Ох, и нахалюга ж ты! Я все время думаю о народе, его благе.

Дед Кондрат. Нет, милай. Ты думаешь о себе. Только о себе. Славы всемирной захотелось. Голова вскружилась от похвал всяких рейганов, бушей, тэтчеров, колей... А своих людей бросил в пропасть. Дороговата цена твоей перестройки.

М. Горбачев *(раздраженно)*. Не морочь мне голову!

Дед Кондрат. Ты уже давно всем людям заморочил ее: говоришь одно, делаешь другое.

М. Горбачев. Например!

Дед Кондрат. Хоть сто примеров. Какая такая любовь у тебя с римским папой? Ты что — католик?

М. Горбачев. Ой, дед Кондрат... Это ж политика!

Дед Кондрат. Политика должна быть на пользу своему народу. А у тебя что получилось после встречи с папой? С глазу на глаз поговорили и началась варфоломеевская ночь для всех православных христиан... Зато газеты твои встречи назвали сговором века. Так о чем же таком ты говорил с папой римским? Кто-нибудь из простых людей знает? Нет! А они тебя президентом выбрали...

М. Горбачев. Это не твоего ума дело.

Дед Кондрат. Все — моего ума дела. Потому и болею за всех. Даже там, на том свете.

М. Горбачев. Хм... Ты не хотел бы, дед, пойти на хутор бабочек ловить?

Дед Кондрат. Отловился я.

М. Горбачев. Тогда прошу: хватит примеров, и оставь меня в покое. Не до тебя.

Дед Кондрат. Привольненцы, земляки твои, как и вся Россия, хотят знать, о чем вы с Джорджем Бушем в бушующем море с глазу на глаз гутарили? Ить ты не имеешь права скрывать это от людей, а раз скрываешь, значит, что-то нечисто, что-то против народа...

М. Горбачев. Ты, дед, наверно, тоже из гэкачепистов?

Дед Кондрат. Нет, я из привольненцев, тех, что жить лучше хотят... чье доверие ты не оправдал.

М. Горбачев (*встает, берет деда Кондрата под руку и проводит к двери).* Я оправдаю... Пусть позже, но они поймут, чего я хотел. А ты больше не приходи сюда. Надоело одно и то же слушать.

Дед Кондрат. Все в этом мире — одно и то же: рождение, жизнь, смерть — и все сначала. Только все это должно быть по-людски.

М. Горбачев. Хорошо, хорошо. Я все понял. До свидания.

Дед Кондрат. У нас?

М. Горбачев. Придет час — и у вас встретимся.

Дед Кондрат. Но ты все же подумай, о чем я тебе говорил. Подумай, пока — на этом свете.

Освобождается от руки М. Горбачева и уходит.

Картина пятая

Конец августа 1991 года. Загородная резиденция М. Горбачева. Перед камином, в кресле, Раиса Максимовна. Одна. На столике пачка старых писем президента СССР. Напряженное ожидание обыска.

Р. Горбачева *(взволнованно)*. Никому не отдам их! Чтобы чьи-то грязные руки касались наших чувств...

Бросает письмо в огонь.

Прости меня, милый: я вынуждена сама сжечь их!

Вновь бросает письма. Остановилась. Читает про себя, а вслух: «Из Ставрополя... Когда ты еще инструктором устроился. Ждал моего приезда... А это ты в роддом передал, когда я Иришкой ходила».

Прижимает письма к груди, затем бросает в огонь. Плачет.

Наша история. Только наша!

Звонок телефона.

Голос М. Горбачева: «Я из Кремля. Как ты там?»

Р. Горбачева. Очень хорошо. Все в порядке.

Голос М. Горбачева: «Меня не обманешь. Я слышу, ты дрожишь... У нас кто есть?»

Р. Горбачева. Никого... Правда, одна. Вся в воспоминаниях.

Голос М. Горбачева. «А я весь в делах. Не волнуйся — все станет на свои места».

Р. Горбачева. А ты как?

Голос М. Горбачева: «К вечеру буду».

Р. Горбачева. Жду, милый.

Бросает в огонь еще несколько писем. Снова плачет.

«К вечеру буду...» Через пять минут не знаешь, что станется с нами.

Что-то загремело. Раиса Максимовна озирается по сторонам и бросает оставшиеся письма в огонь. Появляется Дьявол.

Дьявол. Зря, зря... Приветик. Потомкам было бы интересно знать, как начиналась семья первого президента, кому он посвящал пылкие строки.

Обнаруживает на полу одно письмо, пытается взять его, но Р. Горбачева успевает перехватить его и тоже кидает в камин.

Р. Горбачева. Никому не отдам их! Пусть все горят.

Дьявол. Не хочешь, так и не надо... Сама потом жалеть будешь.

Р. Горбачева. Тебе-то какое дело? Суешь свой нос, куда не просят.

Дьявол. Золотце ты мое, я же вам с Михаилом друг. И вы напрасно паникуете: вас никто не тронет...

Р. Горбачева. А зачем же ты приперся сюда?

Дьявол. Должок за вами, Раиса Максимовна.

Р. Горбачева. Да? А ну-ка выметайся отсюда. Я больше не хочу с тобой никаких дел иметь.

Дьявол *(усмехается)*. У нас могут быть дела?

Р. Горбачева. Не кажется ли тебе, бесово племя, что ты слегка хамишь?

Дьявол. Уж и пошутить нельзя.

Р. Горбачева. Шутник нашелся.

Дьявол. Тогда — кроме шуток: Михаил что — еще надеется порулить?

Р. Горбачева. Вопрос не ко мне.

Дьявол. Муж и жена — одна... компания.

Р. Горбачева. Пусть, но это только их дело!

Дьявол. Я же не посторонний. Столько лет с вами.

Р. Горбачева. Банный лист на известном месте — вот кто ты.

Дьявол. А ты, выходит, это место?

Р. Горбачева. Ну, знаешь ли — всему есть предел...

Дьявол. Который порождает беспредел?

Р. Горбачева. Кончай кривляться. Лучше скажи, чего ты от нас хочешь?

Дьявол. Одного: чтобы до конца мое задание выполнили. Вы должны...

Р. Горбачева. Я уже сказала — это не ко мне. И вообще — мы ничего тебе не должны.

Дьявол. Ты уверена в этом?

Р. Горбачева. Мы устали от тебя. Пожалуйста, оставь нас в покое: и меня, и Михаила.

Дьявол. Значит, когда я вам дороги расчищал, уводил на крутых поворотах от катастрофы, был нужен, а теперь «оставь в покое»...

Р. Горбачева. Я тебя умоляю.

Дьявол. Как говорит твой благоверный, «процесс пошел», и назад пути нет. Так что если не хотите остаться у разбитого корыта, сделайте последнее усилие: не мешайте республикам разбегаться. Это пудовые гири на каждой вашей ноге и на ногах России.

Р. Горбачева. Он меня доконает... Господи! Спаси и защити. *(Крестится.)*

Дьявол исчезает. Слышен его голос: «А еще коммунистка...» Р. Горбачева хохочет.

Так вот чего ты боишься! Как же я сразу не догадалась. *(Снова крестится.)* Атеистка липовая: забыла, что дьявол крестного знамени боится... Все! Больше тебе не подъехать к нам ни на какой козе! Сгинь, сгинь, нечистая сила! *(Крестится в третий раз.)*

Затемнение. В луче прожектора уголок села Привольного. Те же силуэты крестьянских домов, что и в первом действии, только на деревьях теперь мощная листва. В окнах огни. На переднем плане у забора мужики.

Первый. Пустили слона в посудную лавку.

Второй. Да он тут ни при чем. Он — кукла. Всё куклачи делают. Дернут за одну веревочку — он засмеется, дернут за другую — закричит, дернут за третью — и на пузе поползет...

Третий. Так уж и поползет?

Второй. Еще как поползет! Разве ж не видно...

Первый. Такую власть, такую страну профукать... Это, скажу я вам, тоже талант иметь надо.

Второй. Веревку хорошую и — куклача! Вот чего надо. Тогда все запляшут под одну дудку.

Третий. Счас Ельцин закручивать будет. Он мужик смелый, никому не поддастся.

Второй. Поживем — увидим...

Первый. Да тут и смотреть нечего: обложили нас со всех сторон, как волков, красными флажками и будут теперь свистеть, визжать, пока в тупик не загонят.

Второй. Еш твою мать! Да мы давно в тупике. Осталось только повалить и шкуру содрать.

Первый. Экая малость — повалить... Медведь даже раненый — медведь. Так что пусть не спешат и не тявкают... Залечим раны — не впервой.

Третий. Так-то оно так, да уж надоело лечиться... Здоровья хочется.

Снова каминный зал. Р. Горбачева все за тем же столиком. Одна. Из кофты достает письмо, которое она не смогла бросить в огонь, спрятала. Прижимает его к груди. Появляется М. Горбачев, но она его не видит.

М. Горбачев. Одна? Камин горит. Ты что, замерзла? Август на дворе.

Р. Горбачева *(плачет)*. Все сожгла... Осталось только это... Ты прислал его накануне нашей свадьбы...

М. Горбачев *(обнимает жену)*. Сожгла? Жаль, конечно. Ну, ничего... Бедная ты моя. Сколько пережить пришлось! Да ты успокойся: теперь все пойдет нормально. Будем создавать Союз на новой основе. Вместо СССР сделаем Союз Независимых Государств, СНГ. Я — по-прежнему президент. Весь мир нас поддерживает.

Р. Горбачева. У тебя усталый вид, Мишенька. Идем отдыхать.

М. Горбачев. Я посижу с тобой у камина. Так уютно здесь...

Садится в кресло-качалку и мгновенно засыпает.

Сон четырнадцатый

Ален Даллес. Хелло, Майкл! Чего задумался?

М. Горбачев. Я? За тебя переживаю, как ты на том свете свои планы осуществляешь.

Аллен Даллес. Я — там, а планы — тут. И почти все реализованы!

М. Горбачев. Не смеши меня.

Аллен Даллес. Я самый серьезный человек на свете. Не атомная, не водородная бомба, а я и... ты развалили супердержаву — СССР.

М. Горбачев. Ну, знаешь ли... это клевета. Без тебя и без меня все к тому шло. Распад получился сам собой.

Аллен Даллес. Но я к нему подвел тебя.

М. Горбачев. Как это?

Аллен Даллес. По плану. Помнишь, там еще было намечено: вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, создавать хаос и неразбериху... Все это у вас теперь в избытке. Просмотри ваши газеты, журналы, кино... Я со своими людьми добился того, что хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, предательство и национализм, вражда народов стали обычным явлением в вашей жизни.

Включает телевизор. На экране кривляется почти голая певичка и задушевно поет:

Знаю, знаю я, чё те надо,

Я те дам, я те дам, чё ты хошь...

Переключает канал. На экране американский боевик с мордобоем, кровопролитием. Новый канал, а там — акт коллективного секса.

Хватит?

М. Горбачев *(со вздохом)*. Хватит.

Аллен Даллес. А разве не тебя предали люди, которым ты, не раздумывая, присваивал маршальские и генеральские звания, дарил самые высокие государственные посты? И разве не ты предал их? И вместе с ними предал собственный народ? Ты! Наконец, разве не с

твоего молчаливого согласия честность и порядочность стали пережитком прошлого? То-то... А все сделано по моему плану. Я обещал, я выполнил. Супердержава рухнула.

М. Горбачев. Мм...

Аллен Даллес. Признаюсь, если бы не ты, Майкл, вряд ли так скоро был реализован мой план.

М. Горбачев *(отстраненно)*. Вряд ли... Что ты сказал?

Аллен Даллес. Я говорю, ты помог мне разложить твой народ.

М. Горбачев. Клевета! Всякий народ сам выбирает свой путь.

Аллен Даллес *(усмехаясь)*. И он выбрал — мой!

М. Горбачев. Скотина! Все вы, американцы, только о своей выгоде думаете. Тьфу... Это опять сон. Никакого Даллеса нет. Сон! Сон!

Просыпается, протирает глаза.

Фух... До конца дней моих, что ли, будут являться?

Включает радио. Голос диктора: «Вчера были официально предъявлены обвинения главным организаторам государственного переворота в СССР — В. Павлову, Д. Язову, В. Крючкову, Г. Янаеву, О. Бакланову, А. Тизякову и В. Стародубцеву. Статья 64 УК РСФСР предусматривает наказание в виде лишения свободы от 10 до 15 лет и вплоть до исключительной меры — расстрела».

Допрыгались, господа прохвосты...

Кремль. Кабинет первого и последнего президента СССР. За рабочим столом М. Горбачев. Просматривает бумаги. Звонок телефона.

М. Горбачев. Слушаю. Мне некогда ходить по судам. Пошлю своего представителя. Да. И он мне доложит... Я понимаю. Все равны перед законом. Но я пока президент!

Нервно бросает трубку. Подходит к окну. Любуется Москвой, башнями Кремля.

Чем ночь темней, тем ярче звезды... Неужели придется с ними распроститься?

Появляется дед Кондрат.

Сон пятнадцатый

Дед Кондрат. Придется. Не выдержал ты, землячок, ни этих звезд, ни власти, ни славы...

М. Горбачев. Опять ты, дед? Может, и правда, — ты моя тень?

Дед Кондрат. Нет, не тень. Я — народ. А от него никуда не денешься, не схоронишься.

М. Горбачев. Ты пришел, чтобы сказать это мне?

Дед Кондрат. Нет. Это я уже говорил тебе. Я пришел, чтобы сказать: большой грех ты взял на свою душу... Точка опоры здесь, дома, в России, а ты обперся на зарубеж. Своими займами разорил будущие поколения. Ты сам проковырял дно лодки и уже готовишься сбежать из нее. А пассажиры пойдут ко дну. Те, что спасутся, проклянут тебя...

М. Горбачев *(пассивно)*. Проклянут?

Садится за стол. Засыпает.

Проклянут... Хр-хр...

Сон шестнадцатый

Скала обрывается в море. Перед ней открытая площадка. Новое место суда.

В. Ленин. Здесь будет надежней. Никто не сможет помешать нам... Итак, подсудимый Горбачев, признаете ли вы себя виновным в распаде Советского Союза?

М. Горбачев. Вы уже в третий раз задаете мне этот вопрос.

В. Ленин. Это потому, что суд не получил от вас точного ответа.

М. Горбачев. Отвечаю: и да, и нет.

В. Ленин. Ха-ха... Вас ли, Михаил Сергеевич, учить, каким должен быть ответ.

М. Горбачев. Вы ждете, чтобы он совпал с вашими установками...

В. Ленин. Подсудимый Горбачев, мы хотим установить истину.

М. Горбачев. Тогда признаю, но лишь в той части, что я не мешал этому процессу.

В. Ленин. Ответ принят. Господа, у кого еще есть вопросы?

Каньити Курода. Горбачев-сан, суду важно знать: по своей воле или под чьим-то давлением вы отошли от «социалистического выбора», чем еще недавно похвалялись всюду, а теперь взяли курс на капитализм?

М. Горбачев. По своей воле. Я сам увидел, что социализм дискредитировал себя, лишил человека свободы выбора.

В. Ленин. Ответ принят. Господа, есть еще вопросы?

И. Сталин. В порядке реплики. Не социализм дискредитировал себя, а такие вот липовые коммунисты, как подсудимый Горбачев.

М. Горбачев. И такие генеральные секретари, как вы, Иосиф Виссарионович!

И. Сталин. Очень сожалею, что я уже в ином мире...

В. Ленин. Господа! Будьте корректнее. Пожалуйста, ваши вопросы к подсудимому.

Л. Троцкий. Потери, которые принесла стране ваша пере-

стройка, превышают потери в Великой Отечественной войне — и в экономическом, и в моральном отношениях. Вопрос к подсудимому: как вы думаете расплатиться за все это со своим народом?

М. Горбачев. Во-первых, Лейба Давыдович, у вас среднепотолочные данные. Во-вторых, нет ни одной политической или государственной фигуры, которая бы отдала все долги народу. И вы — в том числе...

В. Ленин. Отвечайте на вопрос, а не заводите дискуссию.

М. Горбачев. Сознаю: много бед принесла перестройка, но их было бы еще больше, не начни я этот процесс.

К. Маркс. Феноменальная способность уходить от ответа. И — от ответственности... Вас спрашивают: как и чем вы будете отдавать долги народу. Вот и отвечайте.

Н. Хрущев. Да. Отвечайте.

М. Горбачев *(игриво)*. А вот и не буду... На этот вопрос никто не может ответить.

В. Ленин. В общем, картина ясна. Суд удаляется на совещание. Возможно, после перерыва будет объявлен приговор.

Появляется Ева.

Ева *(весело)*. Вы думали, что я вас не найду? Глупости какие! От меня невозможно скрыться. Я — везде! Так, что вы тут наплели на моего подопечного?

М. Горбачев. Не надо, Ева...

Ева. Нет, надо. Мужики! Ведь лето. Рядом море, красота, а вы какие-то разбирательства устраиваете.

Поет: «У моря, у синего моря...»

Танцуя и вращаясь «вокруг оси», проходит перед участниками судебного разбирательства.

Ну, что, скисли? Леонид Ильич, подбери челюсть! Карл Генрихович, в ваших хитрых глазках столько зла... Остыньте. Я ничего дурного не делаю... А ты, Коба, уже приготовился на помощь Берию вызывать? Не придет он. У него своих дел полон рот... Грехи отмаливает... Вольдемар, не надо так вылуплять глаза на меня. Я же обещала, что приду. Вот и пришла... Лейба Давыдович опять ручки с мылом вымыл? Нет? Ну,

пойди помой. А мы с Никитушкой сбацаем. Сбацаем «Яблочко», Никита Сергеевич?

Н. Хрущев. С тобой? С удовольствием!

Музыка. Ева начинает танец «Яблочко». Играет духовой оркестр. Все, как и прежде, в плавках, аплодируют, смеются, а Ева и Н. Хрущев лихо ходят по кругу, хлопают себя по икрам, виртуозно исполняют коленце за коленцем, идут вприсядку. Всеобщее веселье.

М. Горбачев просыпается. В кабинете никого нет. Приглушенно говорит радио. Он увеличивает громкость.

«Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование» — такова преамбула Соглашения о создании «Содружества Независимых Государств». Подписано 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще руководителями России, Украины и Белоруссии...»

М. Горбачев *(растерян)*. Все кончено... Или не все?

Сон семнадцатый

Снова закрытый пляж. Взад-вперед ходят Маркс, Троцкий, Каньити Курода, Горбачев, Гитлер. Ждут Ленина, который должен продолжить суд над М. Горбачевым. Все вялые, как мухи осенью, Ленин задерживается. Но идет разговор.

М. Горбачев *(оживляясь)*. К чему весь этот фарс с судом? Можно подумать, что он чего-нибудь даст вам, господа... Посадить вы меня не посадите...

К. Маркс. Но осмыслить происшедшее мы обязаны!

М. Горбачев. Пусть этим занимаются те, кому обустраивать Россию.

К. Маркс. Нужен глубокий анализ... В том числе и анализ поражений, чужого опыта.

М. Горбачев. Никаких поражений! Мы выиграли!

Каньити Курода. Нет, Горбачев-сан, вы проиграли. Ваша идея, лежащая в основе перестройки СССР, по сути несет в себе буржуазную идеологию XVII века, то есть не более чем идеологию просветительства. Может быть, именно поэтому так наглядно проявилось идейное падение всех стоящих у кормила власти и их ближайшего окружения... У меня неофициальный вопрос: почему вы, будучи таким отсталым в теории, осмелились развернуть перестройку?

М. Горбачев. Я бы вам сказал, Курода-сан, но воздержусь... В общем, никаким просветительством я не собирался и не собираюсь заниматься. Так, как мы жили до сих пор, жить дальше нельзя... Отсюда и перестройка!

Л. Троцкий. И это вы называете перестройкой? Советский Союз потерял авторитет как социалистическое государство, КПСС полностью утратила власть и пришла к своему концу, как и все коммунистические партии Европы...

М. Горбачев. Наш диалог не имеет смысла. Процесс распада назрел давно, без меня... Так и должно было случиться: раньше, позже, но оставаться, как прежде — значило лететь в пропасть.

Л. Троцкий. Демагогия! Это ясно, как Божий день... А скажите, товарищ Горбачев: вы сознательно или по близорукости своей разрушили партийную организацию, потерявшую доверие трудящихся?

М. Горбачев. Я вам так скажу: другого мнения быть не может — только сознательно. Я уже отмечал: жизнь подсказывает — надо все менять...

Л. Троцкий. Какая самоуверенность!

Подходит Гитлер.

Гитлер. Danke sehr, Herr Gorbatshov![1] Я не люблю русских, но перед тобой преклоняюсь: гениально, супергениально! Я с такой мощной армией, покорившей всю Европу, пошел на Советский Союз, и это стоило мне жизни, а ты — полный профан в военном деле, ты проглотил его, как это у вас называется... как галушку. Браво! Vielen Dank![2] Человечество воздаст тебе должное. Ты сумел без войны положить коммунизм на лопатки, а мне пришлось превратить в руины лучшие города Европы, истребить десятки миллионов людей. И все — кобелю под хвост! Преклоняюсь! Будь я сегодня жив и у власти, я лично прикрепил бы на твою достойнейшую грудь железный крест и все награды Германии... Я бы сделал тебя лучшим немцем!

М. Горбачев. Партайгеноссе Шикльгрубер! Я сделал это, не думая о наградах...

Гитлер. Nein, nein, Parteigenosse Gorbatshov![3] Ты их заслужил. Никто на Земле не достоин таких наград, как ты! С твоим именем навеки связано полное крушение коммунизма! Я завидую тебе, черт возьми. Вот уж правда, что русская душа — загадка. И как ни горько признаваться: я завидую тебе!

---

[1] *Премного благодарен, герр Горбачев!* — нем.

[2] *Огромное спасибо!* — нем.

[3] *Нет, нет, Горбачев!* — нем.

М. Горбачев. Правда?

Гитлер. Конечно!

Каньити Курода. Горбачев-сан, неужели вы до такой степени беспринципны, что вас радует похвала этого изувера, этого монстра в человеческом обличьи?

М. Горбачев. Вы опять суете свой нос, куда вас не просят?

Каньити Курода. Я хочу одного: справедливого мира и взаимопонимания...

М. Горбачев. А я, господин Курода, думаете, хочу чего-нибудь другого? Нет. Мне также нужно справедливое устройство мира, полное взаимопонимание, полный консенсус.

Каньити Курода. А вот Ульянов-Ленин идет. Пожалуй, это дело суда — установить, чего вы хотели на самом деле, начиная перестройку.

М. Горбачев. Важно, что я и сейчас знаю, чего хотел. А ваш суд для меня — это так, профанация, блеф! Не пойму только одного: почему я еще вступаю в эти, с позволения сказать, судебные разбирательства...

В. Ленин *(как и все присутствующие, он только в плавках. В руках папка)*. Рад приветствовать вас, господа! Продолжим, как этот субъект говорит, судебные разбирательства. Кто имеет слово?

Л. Троцкий. Я все же хочу уточнить: скажите, Горбачев, сколько вам заплатили за ваше предательство партии и страны в целом?

М. Горбачев. Я отказываюсь отвечать на подобные вопросы!

В. Ленин. Вопрос задан по существу. И вы обязаны, подсудимый Горбачев, на него отвечать. Обязаны!

М. Горбачев. Подсудимый сам вправе решать, на какие вопросы ему стоит отвечать, а на какие — нет.

К. Маркс. В продолжение вопроса господина Троцкого: вы не раскаиваетесь в совершении преступления перед своим государством и партией?

М. Горбачев. Нет, я сделал то, что должен был сделать!

В. Ленин. Кто обязывал вас?

М. Горбачев. Никто. Я сам увидел, что страна лопнула, что

ее надо либо всю развалить и построить заново, либо выстроить хорошие подпорки. Но подпорки меня не устраивали. Я за то, чтобы все делать так: либо — либо! Вообще же, весь этот так называемый суд похож на спор: строить ли мост вдоль или поперек реки... А это уже не по-русски.

В. Ленин. Господа, прошу ваши вопросы... *(Пауза.)* Если у вас нет, то у меня есть. Скажите, подсудимый, куда вы дели золото партии?

М. Горбачев *(раздраженно).* Туда же, куда и вы в свое время... Товарищи, я не понимаю: неужели вы, серьезные люди, будете требовать от меня ответа о несуществующем золоте? Нет его и все!

Л. Троцкий. Но оно было!

Появляется Ева.

Ева. Опять эти те троглодиты пилят моего мальчика...

В. Ленин. Эй, вы, кто-нибудь! Уберите эту бабеху! Она опять сорвет нам процесс.

Ева *(подходит к В. Ленину, обернувшись «вокруг оси»).* И сорву. Я не позволю терзать человека, который старался для человечества.

В. Ленин. Заткните ей глотку.

Ева. Повышать голос на женщину — признак мужской слабости. И вообще — слабости. Оставьте его. Он — лучше всех вас!

К. Маркс. Господин Ульянов, хоть вы и собрали нас на закрытом пляже, но вы не обеспечили условия для нормальной работы суда...

Ева *(подходит к К. Марксу, улыбаясь, берет его за бороду).* Душка! Они тоже так думают: не обеспечил. А значит, суд закрывается...

В. Ленин. Я же говорил, сорвет! *(Оставляет свою папку на лавке, где сидят еще участники судебного заседания, и подходит к Еве.)* У вас совесть есть?

Ева. А у вас?

В. Ленин. Ну, мы еще до тебя, Горбачев, доберемся! Жалкий трус, прячется под юбкой...

Ева. Ха-ха-ха...

М. Горбачев. Ха-ха-ха... Какая юбка, Владимир Ильич?

Ева *(обнимает Горбачева).* И ничего не бойся. Я с тобой.

М. Горбачев. Спасибо. Ты вовремя пришла... *(отстраняясь от Евы)* не надо. А то начнут потом: партию на бабу променял, не надо...

Ева. Не начнут. Погляди — никого нет. Я их всех сплавила отсюда. Мы одни.

М. Горбачев. Одни?! Ева... *(Обнимает, целует ее.)* Какая женщина... Лучше тебя нет...

Ева. И я так думаю.

М. Горбачев *(снова осыпает ее поцелуями).* Ангел мой, единственный. Сладушка моя...

Берет ее на руки, несет к столу.

Кругом ни души. Давай здесь...

Ева. Я еще тебе что-то сказать должна...

М. Горбачев. Не хочешь здесь, пойдем в море.

Несет в сторону моря.

Ева. Я выручила тебя? Вот и славно. А остальное... не надо.

М. Горбачев. Но я хочу тебя... Никогда в жизни так не хотел!

Ева выскальзывает из рук М. Горбачева, и он с ужасом вдруг видит в ней Дьявола: рожки, шерсть, хвост.

Дьявол. Мой дурачок. Я прикинулся Евой, чтобы этим корифеям не отдать тебя на растерзание... Но ты был на высоте. Так что успокойся. Никакой Евы нет, свет очей моих. Я не дам тебя тронуть пальцем. А ты продолжай наше дело. Я доволен тобой. И Раисой Максимовной. Вы хорошо потрудились. Это все вам зачтется... Очнись, реформатор.

М. Горбачев. Мм... Рая, Раюшка, разбуди меня, разбуди, разбуди-и-и-и.

Сон во сне

Южный пейзаж. То ли Крым, то ли Сочи. Яркие краски. Цветущие магнолии, стройные кипарисы. М. Горбачев по-летнему, но весьма элегантно одет. Один. В руке у него какая-то веточка, похоже, что это лавровишня. Слегка размахивая ею, он идет по траве. Ослепительное солнце. Вдали темно-бирюзовое море с барашками белой пены. Пронзительная тишина.

М. Горбачев *(грустно)*. Где это я? Почему никого нет рядом? Охрана, черт возьми! Президент я или не президент?

Голос Р. Горбачевой: «Не расстраивайся, милый! Все образуется. Ельцин не такой дурак, чтобы так вот отмахнуться от тебя. Он еще придет к тебе за помощью...»

М. Горбачев. Раюшка, где ты? Фу, да это же сон...

Р. Горбачева *(выходя из-за кипариса. Тоже по-летнему и со вкусом одета)*. А я и во сне с тобой, милый.

М. Горбачев *(обнимает жену, по-прежнему держа веточку в руке. Идут рядом)*. Умница. Ты единственный человек, кому и сегодня можно верить... Я, знаешь ли, должен сказать...

Р. Горбачева. Говори, говори, любимый!

М. Горбачев. Я должен сказать, что при всем при том я, мы... оставили в истории неизгладимый след.

Р. Горбачева. Конечно! Жаль только, люди оценят все это уже после нас.

М. Горбачев. А мне плевать... Хотя и не совсем... После... после. Хотелось бы сегодня, сейчас... О! Смотри сюда! Рая, Раек! Ты спишь, что ли? Нет, ты посмотри, что отмочили мои друзья...

Впереди, чуть справа, на высоком холме — памятник М. Горбачеву.

Р. Горбачева *(оживившись)*. Памятник — тебе! Из чистого золота!

М. Горбачев. Из чистого... Больше статуи Свободы! А ты говоришь — после нас... Есть и сегодня мыслящие люди и настоящие друзья... Нет, ты представляешь: такой памятник — мне, простому... из села Привольного. Пусть посмотрят землячки, чего я ст'ою!

Р. Горбачева *(хмурясь от сияния золота)*. Слушай, Миш... Как похож! Кому еще есть на Земле... такой?

Оба подходят к холму, поднимаются по ступеням к самому памятнику. Остановились. Зачарованы изваянием.

Р. Горбачева (восхищаясь). Как похож! Это же надо так точно схватить жест и даже улыбку...

Изваяние выполнено в народном стиле. Горбачев стоит в простой рубашке без галстука, во весь рост и с разведенными в стороны руками, как бы готовыми обнять весь мир.

М. Горбачев *(многозначительно)*. Да...

Кладет веточку к ногам своего изваяния.

Р. Горбачева. Какая прелесть! Ты заслужил, заслужил... Пусть все эти... сдохнут от зависти... Заслужил, мой славный... своими трудами... Вот и оценили. При жизни...

Спускаются по ступеням вниз и там вновь останавливаются, чтобы посмотреть еще раз на золотой памятник. Позади них появляется В. Ленин. Он, подбоченясь, тоже смотрит на памятник. Они не видят его, Р. Горбачева, счастливая, целует мужа и вдруг слышит раскатистое возмущение вождя мирового пролетариата.

В. Ленин. Архибестия! Невежа! И один сумел развалить такую страну, такую махину! Я со своей гвардией отстроил, а он — развалил в одночасье... Ренегат похлеще Каутского. Архибестия!

Подходит ближе к памятнику и вверху исчезает.

М. Горбачев *(жене)*. Чего ему надо?

Р. Горбачева. Он хочет снова миром завладеть.

М. Горбачев *(усмехаясь)*. Хотеть не вредно. Но его поезд давно ушел. И не догнать, никому не догнать его!

Обнимает Раису Максимовну

Дело своей жизни я сделал! История меня... нас с тобой не забудет. Ха-ха-ха... Как же мы их всех облапошили... Ха-ха-ха...

Слышится редкий звон колоколов. И — мощный церковный хор, где доминирует необыкновенной силы бас: «Со святыми упокой...»

Р. Горбачева *(со страхом прижимается к мужу).* Кого это хоронят?!

М. Горбачев. Империю зла хоронят.

Р. Горбачева *(крестится).* Небесное царство...

М. Горбачев. Царство небесное... А мы будем жить вечно на этой Земле!

Пауза. Появляется Дьявол, держа конец хвоста в правой руке и помахивая им, как веером.

Дьявол. Привет, реформатор!

Р. Горбачева. Миш, ну попроси его... зачем он портит праздник?

М. Горбачев. Ты зачем нам портишь праздник?

Дьявол. Есть одна поправочка. Наклонись ко мне.

Горбачев наклоняется. Дьявол макает хвост в банку с розовой краской и оставляет свою печать на его лбу.

Чтоб еще заметнее был...

Показывает хвостом на памятник.

М. Горбачев. Не надо! Памятник — само совершенство! Чего там еще не хватает?

Дьявол. Моего имени... Я ведь тоже вам с Раей помогал.

М. Горбачев. Но памятник-то не мы возводили... Со мной не согласовывали... И вообще это не моя прерогатива.

Дьявол *(хохочет писклявым речитативом, крутится юлой, продолжая держать свой хвост, потом подпрыгивает высоко вверх и опускается возле памятника, несколько успокоившись).* А я сам допишу!

Подставляет к памятнику пустой ящик из-под овощей, влезает на него. В руках — банка с краской. Он макает в нее, останавливается и вслух читает: «Михаилу Горбачеву — Гражданину Земли. Рональд Рейган, Маргарет Тэтчер, Гельмут Коль, Ален Даллес.»

М. Горбачев. А этих слов не было...

Дьявол. Так будут. И еще одно слово добавлю: «Дьявол».

Горбачевы поражены таким финалом. За сценой слышатся голоса мальчишек: «Лови его, лови!» Выбегает маль-

чик с луком и останавливается перед четой Горбачевых и Дьяволом

М. Горбачев *(ласково)*. Ты чего тут делаешь?

Мальчик с луком. А мы в войнушку играем... *(Он замечает золотой памятник и кричит: «Вот он, Валерка, иди сюда. Я нашел его!»)*

М. Горбачев *(указывает на памятник)*. А это кто, мальчик?

Мальчик с луком. Вождь индейцев. Я убью его: он мучил своих рабов!

Целится в памятник, и стрела попадает в то место, где должно быть сердце. Слышится сильный свист, похожий на шум проколотой камеры автомобиля. На глазах у всех памятник начинает «худеть», деформироваться и наконец пустым чехлом падает на постамент.

М. Горбачев *(почти парализован, жене). А ты говорила, из чистого золота...*

ЗАНАВЕС

Москва — Пятигорск, 1997 г.

"СНЫ ГОРБАЧЕВА" - пятая пьеса Александра Мосиенко. Ранее им были написаны "Следопыты", "Трясина", "Медальон", "Карьера Кочкина". К сожалению, ни одна из пьес драматурга не была поставлена на сцене, но верится, что встречи его героев со зрителем еще впереди.

Драмы Александра Мосиенко затрагивают вечные проблемы - памяти прошлого, подвига во имя Родины, веры и безверия, предательства, измены, профессионального долга, борьбы за любовь, коррупции и т.п.

Александр Мосиенко - член Союза писателей России, автор поэтических книг "Кто за рулем" (сатира), "Сентябрьская сирень", "Радуга над Дамхурцем" (лирика), "Базальт" (рассказы и повести), получивших теплые отзывы критики и читателей. Публиковал свои стихи в краевых газетах, в журналах "Дон", "Русская провинция", "Хенэк" ("Вилы", Башкирия), в альманахе "Ставрополье".

"Сны Горбачева" - фантастическая трагикомедия о взлете и крушении, о коварстве и измене стране, народу последнего генсека ЦК КПСС Михаила Горбачева...

Александр Мосиенко - член Независимой ассоциации писателей Кавминвод. Живет в Пятигорске.

Мосиенко
Александр Алексеевич

СНЫ ГОРБАЧЕВА
Фантастическая трагикомедия в двух действиях
по мотивам Каньити Куроды

Редактор И. Н. Зайцев
Художник - С. Костин.
Технический редактор А. В. Коновалов
Корректор А. Л. Коркин
Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Печать офсетная. Цена договорная
Тираж - 300 экз.

Компьютерная верстка и набор А. В. Чмель

ООО Рекламно-Информационное Агентство «ГРАНИ»,
Редакция газеты «Мой город».
Россия, 357522, Пятигорск, Черкесское шоссе,
ковровая фабрика «Кортекс», тел. (86533) 7-33-90.